

Рудольф Штейнер

Четыре Драмы-Мистерии

GA 014

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е Д У Ш

(ИНСЦЕНИРОВАННЫЕ ДУШЕВНЫЕ И ДУХОВНЫЕ СОБЫТИЯ)

Перевод с нем. Н.Н.Белоцветова
редакция перевода А.А. Демидова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА, ОБРАЗЫ И СОБЫТИЯ

Духовные и душевные события, изображенные в "Пробуждении Душ", разыгрываются год спустя после событий, описанных в ["Страже Порога"](#).

В "Пробуждении Душ" участвуют следующие лица и существа:

I. НОСИТЕЛИ ДУХОВНОГО ЭЛЕМЕНТА

Бенедикт, в котором группа учеников видит знатока глубоких духовных тайн. В предыдущих мистериях: ["Врата Посвящения"](#) и ["Испытание Души"](#) — он изображен как глава Солнечного Храма. В "Страже Порога" он является выразителем духовного течения, которое хочет заменить новой живой духовностью древние духовные традиции, охраняемые "Союзом Мистов". В "Пробуждении Душ" Бенедикт уже не просто стоит над своими учениками, но и вплетен собственной своей судьбой в душевные переживания этих учеников. **Гиларий Готтгетрей**, знаток традиционной духовной жизни, соединенной у него с его собственными духовными переживаниями. Эта же самая индивидуальность изображена в мистерии "Испытание Души" как Гроссмейстер "Союза Мистов". **Управляющий конторой** Гилария Готтгетрея. **Секретарь** Гилария Готтгетрея. Эта же самая индивидуальность появляется в "Страже Порога" как Фридрих Гейст.

II. НОСИТЕЛИ ЭЛЕМЕНТОВ ЖЕРТВЕННОСТИ

Магнус Белликозус, названный во "Вратах Посвящения" Германом, а в "Страже Порога" Надзирателем "Союза Мистов".

Альберт Торкватус, названный во "Вратах Посвящения" Феодосием. В "Испытании Души" та же индивидуальность изображена в лице Церемониймейстера встречающегося там "Союза Мистов".

Профессор Капезий. В "Испытании Души" его индивидуальность действует в первом Надзирателе.

Феликс Бальде. Во "Вратах Посвящения" он — носитель природной мистики; здесь же, в "Пробуждении Душ", он — носитель мистики субъективной. Индивидуальность Феликса Бальде действует в "Испытании Души" как Иосиф Кюне.

III. НОСИТЕЛИ ЭЛЕМЕНТОВ ВОЛИ

Роман. Вводится и тут под тем же именем, как во "Вратах Посвящения", так как это имя соответствует его внутренней сущности, которую он нашел за годы, отделяющие "Врата Посвящения" от "Пробуждения Душ". В "Страже Порога" он назван своим мирским именем, ибо в событиях, изображенных там, его внутренняя жизнь не имеет почти никакого значения. Его индивидуальность в "Испытании Души" появляется как второй Церемониймейстер средневекового "Союза Мистов".

Доктор Штрадер. Его индивидуальность изображена в "Испытании Души" как еврей Симон.

Сиделка доктора Штрадера. Эта же самая индивидуальность в "Страже Порога" названа Марией Трейфельс. Во "Вратах Посвящения" она названа "Другой Марией", так как имагинативное познание Иоанна Томазия олицетворяет в ее образе имагинацию определенных природных сил. Ее индивидуальность появляется в "Испытании Души" в лице Берты, дочери Кюне.

Фелиция Бальде. Ее индивидуальность в "Испытании Души" действует как жена Кюне.

IV. НОСИТЕЛИ ДУШЕВНОГО ЭЛЕМЕНТА

Мария. Ее индивидуальность изображена в "Испытании Души" как Монах.

Иоанн Томазий. Его индивидуальность появляется в "Испытании Души" как Фома.

Жена Гилария Готтгетрея.

V. СУЩЕСТВА ИЗ ДУХОВНОГО МИРА

Люцифер.

Ариман.

Гномы.
Сильфы.

VI. СУЩЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХОВНОГО ЭЛЕМЕНТА

Филия, Астрид, Луна - духовные существа, которые связывают человеческие душевные силы с космосом.

Другая Филия, носительница элемента любви в том мире, к которому принадлежит духовная личность.

Душа Теодоры. Ее индивидуальность изображена в "Испытании Души" в лице Цецилии, падчерицы Кюне и сестры Фомы, в котором действует индивидуальность Иоанна Томазия.

Страж Порога.

Двойник Иоанна Томазия.

Дух Юности Иоанна Томазия.

Душа Фердинанда Рейнеке у Аримана (12-я картина). Встречается как Фердинанд Рейнеке только в "Страже Порога".

VII. Личности **Бенедикта** и **Марии** вводятся и во **внутренние переживания**; во второй картине они появляются как переживания Иоанна Томазия, в третьей же картине — как переживания Штрадера. В девятой картине как **внутреннее переживание** Иоанна Томазия выводится Мария.

VIII. **Индивидуальности** Бенедикта, Гилария Готтгетрея, Магнуса Белликозуса, Альберта Торкватуса, Штрадера, Капезия, Феликса Бальде, Фелиции Бальде, Романа, Марии, Иоанна Томазия и Теодоры появляются в **духовной области** (пятой и шестой картине "Пробуждения Душ") как **души** и в Храме (седьмой и восьмой картине "Пробуждения Душ") как **личности** отдаленного прошлого.

О "Пробуждении Душ", как и о предыдущих мистериях, нужно сделать несколько пояснительных замечаний. И духовные, и душевные события, изображаемые тут, не являются ни символами, ни аллегориями. Кто принимает их так, тот далек от реальной сущности духовного мира. **Внутренние переживания** (второй, третьей и десятой картины) являются тоже не символами, а реальными переживаниями души, которые для того, кто участвует в жизни духовного мира, столь же действительны, как существа и события мира чувственного. Для имеющего опыт духовного бытия "Пробуждение Душ" вполне реалистично. Если бы дело шло только о символах или аллегориях, я бы, несомненно, воздержался от написания этих мистерий.

Ввиду многочисленных вопросов, дошедших до меня, я и на этот раз предпринял было попытку восполнить эти сценические картины некоторыми пояснениями. Но и теперь, как и прежде, я от этой попытки отказываюсь. Мне представляется неуместным давать какие бы то ни было пояснения к картине, которая должна сама за себя говорить. В концепции и разработке картины подобные абстракции не играют никакой роли. Они только вредны. Духовная действительность, если

воссоздать ее, встает перед душой с такой же необходимостью, как вещи физически воспринимаемого мира. Естественно при этом, что здоровое духовное зрение отнесет духовные образы к изображаемым ими событиям и существам иначе, чем отнесло бы оно восприятия физического мира к тем событиям и существам, которые им соответствуют. С другой стороны, то, как восстают духовные события перед воспринимающей душой, предопределяет и композицию этих душевных картин.

В заключение следует и на этот раз отметить, что музыкальные иллюстрации к "Пробуждению Душ", к постановкам 22-го и 23-го августа сего года написаны Адольфом Аренсоном.

Мюнхен. Август 1913 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

[КАРТИНА ПЕРВАЯ](#)

[КАРТИНА ВТОРАЯ](#)

[КАРТИНА ТРЕТЬЯ](#)

[КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[КАРТИНА ПЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ШЕСТАЯ](#)

[КАРТИНА СЕДЬМАЯ](#)

[КАРТИНА ВОСЬМАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕВЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕСЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ](#)

[КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)

[КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ](#)

[КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Контора Готтгетрея, довольно старинного стиля. Можно предположить, что Готтгетрей — владелец мастерской деревянных изделий.

Секретарь

Вот и георгиенгеймские друзья
О недовольстве говорят своим.

Управляющий Конторой

Как? И они? Сколь грустно это знать.
И все одни причины: и они
Огорчены, предвидя, что придется
Им с Готтгетреем в скорости расстаться.

Секретарь

Что мы в труде своем не пунктуальны
И что не в силах состязаться мы
С работой конкурирующих фирм, —
Так пишут нам; и это же всегда
Я принужден в своих разъездах слушать.
И слава фирмы меркнет с каждым днем,
Что унаследовал от предков Готтгетрей
И при участии нашем увеличил.

Повсюду говорят, что Готтгетрей
Мечтой фантастов одурачен был,
И что им овладевшие мечтанья
Его лишили тщательности той,
Которою заказы нашей фирмы
В былые годы славились везде.

Сколь многие наш труд хвалили раньше,
Столь многие его теперь поносят.

Управляющий Конторой

Заметно уж давно, что Готтгетрей
В самообман опаснейший введен

Людьми, взыскующими дар духовный.
 К духовным целям он всегда стремился,
 Но избегал он смешивать их раньше
 С работой повседневною своей.
 В мастерскую входит Гиларий Готтгетрей.

Управляющий Конторой (Секретарю)

Мне на короткий срок необходимо
 Наедине с хозяином остаться.

(Гиларию)

Есть обстоятельства, и требуют они
 Серьезно с вами переговорить.

Гиларий

Что же заботит Вас, советчик мой?

Управляющий Конторой

Я уж на многом ныне убедился,
 Что быстро вырождается наш труд
 И не дает нам должных результатов.
 Все больше тех, кто жаловаться склонен,
 Что дурно выполняются заказы,
 И нас перегоняют конкуренты,
 И точность, нам присущую давно,
 Уж многие теперь не признают.
 И лучшие друзья, мне мнится, скоро
 Работой нашей будут недовольны.

Гиларий

Уже давно известно это мне,
 И все ж нисколько не тревожусь я;
 Но ощущаю я потребность с вами
 Посоветаться: ведь вы были мне
 Не только служащим, а были вы
 И самым близким, самым верным другом.
 А потому я рассказать вам должен
 Все то, о чем упоминал я часто:
 Создатель новых ценностей обязан
 Взирать на гибель старого спокойно.

Хочу иначе в будущем работать,
Чем до сих пор работали у нас.

Я ремесло, что лишь собой живет
И на житейский рынок без заботы
Выбрасывает плод своей работы,
Не думая, что выйдет из него,
Считаю недостойным с той поры,
Как я узнал, сколь благороден труд,
Когда его свершают люди Духа.
Пусть, как художник, ведает Томазий
Той мастерской, что я теперь ему
Тут, по соседству, выстроить хочу.
Он механическое производство
На повседневную потребу людям
Облагородит с помощью искусства,
Соединивши пользу с красотой.
Так с ремеслом искусство примирится,
И вкус войдет в людскую повседневность.
Я в мертвую материю труда,
Который выполняем мы, вдохну
Живую душу и духовный смысл.

Управляющий Конторой (подумав)

Нет, не подходят эти чудеса
К царящему в эпоху нашу духу.
В эпоху нашу должен всякий труд
К стройжайшему стремиться совершенству.
Те силы, что безлично, в ходе жизни
В едином целом сочленяют части,
Без размышлений придают частям
Ту ценность, что им мудрость дать не может.
Но даже если бы препятствий этих
И не было, все ж цели ваши тщетны.
Скажите, где найдется человек,
Способный этот план осуществить?
Такого человека не найти.

Гиларий

Вы знаете, я не гонюсь за снами
И не избрал бы столь высокой цели,
Когда бы не свела меня судьба
С тем, кто осуществить ее способен.

И удивляюсь я, как это вы
Не видите, что человек тот — Штрадер.

Того, кто сущность Штрадера познал
И понял наивысший долг людской,
Того назвать сновидцем невозможно,
Когда считает долгом он своим
Содействовать такому человеку.

Управляющий Конторой (видимо удивленный)

Как? В Штрадере избранника мне видеть?
Но разве не открылось мне на нем,
Как может ослепляться дух людской,
Отвергнувший действительную жизнь!
Да, механизм его духовным светом
Был порожден — я в том не сомневаюсь,
И если бы он был осуществим,
Он бы принес тогда с собою счастье,
Которое столь близким мыслит Штрадер.
Но долго он останется моделью
Затем, что скрыты силы, что теперь
Могли бы сообщить ему реальность.
И грустно мне, что думаете вы
Работать и трудиться сообща
С тем человеком, что уж претерпел
Крушение идей своих отважных.
Пусть и высоко дух его витал
На кручах, что людей так привлекают, —
На них тогда лишь можно восходить,
Когда душа достаточно сильна.

Гиларий

Вы и теперь должны его хвалить,
Хоть ищите причин для порицаний.
Его вы ценность подтвердили мне:
Из ваших слов выходит, что не в нем
Причина неудач его сокрыта.
А потому, мне мнится, в круге нашем
На месте он. Трудам его не сможет
Теперь ничто извне создать преграду.

Управляющий Конторой

Когда я с внутренним сопротивленьем
 Пытаюсь в образ мыслей ваших вникнуть,
 Тогда я все-таки для возражений
 Немало оснований нахожу.
 Кто в будущем труды оценит ваши,
 Кто сможет ваши замыслы развить
 Чтобы работа ваша шла на пользу?
 Лишиться состоянья своего,
 Как только за работу вы возьметесь,
 И вам тогда закрыть придется дело.

Гиларий

Я сознаю и сам, что планы эти
 В том случае лишь выполнимы будут,
 Коль у людей я встречу пониманье
 Для новых принципов своей работы.
 Что Штрадер и Томазий совершают,
 На месте том должно осуществиться,
 Которое для Духа я воздвигну.
 И все, что Бенедикт с Капезием,
 И что Мария возвестят оттуда,
 Дорогу человеку предрекажет.
 И явится потребность мир земной
 Обогащать познанием духовным.

Управляющий Конторой

Так можно осчастливить лишь немногих, —
 Тех, кто в уединении живет.
 От подлинной отходите вы жизни;
 Хоть боретесь вы внешне с эгоизмом,
 В себе зато лелеете его вы.

Гиларий

Вы полагаете, что я мечтатель
 И что бездумно отвергаю я
 Весь опыт жизни. Это было б так,
 Когда бы я хоть на одно мгновенье
 Успех себе представил в вашем смысле.
 Пусть не удастся то, чего хочу,
 Но если б и весь мир отверг с презреньем
 Мой труд и тем его бы погубил, —
 Все ж был он перед душами людскими
 Как образец воздвигнут на земле.

И впредь он будет действовать духовно,
 И если даже в мире сем умрет;
 Часть силы той в труде моем создастся,
 Что некогда к союзу приведет
 Духовных целей и мирских деяний.
 Духовная наука учит так.

Управляющий Конторой

Как служащий, по долгу службы я
 Покамест лишь о нужном говорил,
 Но ваше отношение дает
 Мне право и, как другу, вам открыться.

Сотрудничая с вами, уж давно
 И я того познания искал,
 Которому вы преданы душой
 И столько сил духовных посвятили.
 Но в книгах я нашел лишь поученья
 И лишь наук духовных откровенья.
 Хотя и скрыты от меня миры,
 О коих нам те книги говорят,
 Вообразить, предчувствуя, могу я,
 Как быть должны настроены те люди,
 Которые такому Духу служат.

По собственному опыту я знаю,
 Как правы знатоки духовной жизни,
 Когда они описывают свойства,
 Что души в царстве Духа обретают;
 Всего важней мне кажется тот факт,
 Что души те реальности от сна
 При всем желанье отличить не могут,
 Когда с высот духовных в мир земной
 Приходится отыскивать дорогу.
 Из царств духовных, где живут их души,
 Приходят образы и затемняют
 Им верный взгляд на бытие земное
 И искажают силу их суждений,
 Необходимую для жизни нашей.

Гиларий

Все возраженья ваши, милый друг,
 Меня лишь укрепляют. Ясно мне,
 Что будете вы некогда из тех,

Кто разделит со мной труды мои.
 До сей поры и не подозревал я,
 Что знаете вы душу тех людей,
 Которые хотят со мной работать.
 Вы знаете грозящую опасность,
 Но их деянья, верьте, вам покажут,
 Что им известно, где искать защиты,
 И скоро разберетесь вы во всем.
 И в вас иметь советчика я буду,
 Столь нужного для дела моего.

Управляющий Конторой

Не вправе посвящать свои я силы
 Дела, последствий коих я не знаю.
 Сновидцами считаю я всех тех,
 Кому так доверяете вы ныне.
 Их заблуждение может искусить
 И тех, которые их слушать станут.
 Затмят они сознательную мысль.
 Во мне всегда советчика найдете,
 Коль будете, как некогда, свой труд
 Разумно и надежно воздвигать
 На основанье бытия земного.
 А путь ваш новый — он не для меня.

Гиларий

Такие колебания, мой друг,
 Задачам Духа могут повредить:
 Бессилен без советов ваших я.
 Повелевает нам суровый долг
 Внять предзнаменованиям судьбы,
 И в нашей встрече с этими людьми
 Я это предзнаменование вижу.

Управляющий Конторой

Чем дольше говорите вы со мной,
 Тем очевидней мне, что вы уже
 И сами в заблуждение введены.
 Вы человечеству служить хотите,
 Но служите в действительности вы
 Кружку, который на короткий срок
 Отдастся с вашей помощью мечтам.
 Начнется здесь немалая шумиха

По якобы духовным предписаньям,
Для нас же все воздушным замком будет
И наше дело быстро уничтожит.

Гиларий

Коль вы мне не протяните руки,
Окутается будущее мраком.

(Справа входит Штрадер .)

Я вас уж поджидал, мой милый Штрадер.

Мне кажется, что было б хорошо
Сначала обсудить проблемы наши,
Осмотром же попозже мы займемся.
Признался только что мой старый друг,
Что в наше предприятие не верит.
Так выслушаем же мы человека,
Что дух работе нашей посвятил.
Столь многое зависит от того,
Как в этот миг друг друга встретят люди,
Столкнувшиеся, как два чуждых мира,
Но все ж трудиться призванные вместе.

Штрадер

Помощник Готтгетрея вы и друг,
И все ж принять участия не хотите
В труде, который нам он предложил.
Ведь лишь тогда наш план удался может,
Когда испытанное мастерство
С грядущей целью заключит союз.

Управляющий Конторой

Не только сам участвовать не буду,
Но я хочу и другу доказать
Бесплодность предприятия такого.

Штрадер

Не удивительно, что план с моим участием
Вам кажется ошибочным.

Я видел гибель бóльших предприятий:
 Ведь в наше время не раскрылись силы,
 Чтоб замыслы благие сделать явью.
 То, что я счел духовным озареньем,
 Мне в жизни воплотить не удалось;
 Не подтвердив суждения свои,
 Убил я вашу веру в то, что Дух
 Исток земного творчества таит.
 И лишь с трудом мне доказать удастся,
 Что неудача силу мне дала
 На этот раз избежать заблуждений.
 Я заблуждался, чтоб камней подводных
 На этот раз избежать тем вернее.

И все ж сомненья ваши мне понятны.
 Естественно при вашем складе думать,
 Что мало толку в замысле моем.

Тем славитесь вы, что к духовной жизни
 Относитесь вы с тонким пониманьем,
 Что ей и силы дарите, и время.
 Но также говорят, что вы работу
 Стремитесь тщательно отмежевать
 От жизни в Духе, что желает в душах
 Свои законы действительно творить.
 Хотите вы, чтоб Духу посвящали
 Мы лишь свои свободные часы.
 Связать все то, что духу Дух дает,
 С трудами чувственного бытия —
 И есть духовного течения цель,
 И жизнь ее мне ясно указала.

Управляющий Конторой

Покуда дарит дух другому духу
 Лишь творчества свободного плоды
 Достоинством он душу одаряет,
 Дающим смысл земному бытию.
 Но если безрассудно пожелает
 Он управлять и бытием чужим,
 Он к сферам приближается, где бред
 Нередко высшей истине грозит.
 И ныне отношение мое
 Исходит из познания моего,
 Которое о Духе я стяжал,

А вовсе не из склонностей сердечных,
Как думать заставляет вас молва.

Штрадер

Неверное духовное познание
Враждует в вас с воззрением моим —
И это трудности усугубляет.
Легко исследователям духовным
В трудах своих с людьми соединиться,
Что лишь в природе, в мире чувств земных,
Смысл бытия и цель земную ищут.
Но если мысли, из ключей духовных
Почерпнутые, вдруг в противоборство
С такими же идеями вступают,
Гармония лишь редко достижима.

(После некоторого раздумья.)

Но да свершится то, что суждено.

Мой замысел еще раз вы проверьте
И, **может быть**, измените вы взгляд,
Возникший в вас при первом размышленьи.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гористая местность. На заднем фоне дом Гилария близь его мастерских, но мастерских не видно.
Справа водопад.

Иоанн

Безмолвие нагроможденных форм
Загадочно пространство заполняет,
Вопросами не умерщвляя душу,
Которая не познавать, а видеть
Стремится откровенья бытия.
И эти скалы, и сиянье это,
Безмолвье этих голых плоскостей,
И зелень леса в дымке голубой!
Вот он, тот мир, где ты, душа Иоанна,
Желаешь, о грядущем грезя, жить!

Душа Иоанна! Ты в себе почувствуй
 Глубокий и широкий этот мир.
 И пусть дадут зиждительные власти
 Тебе, душа, ту силу, что вливает
 Миров волшебство в образы искусства!

Таких высот Иоанн бы не достиг,
 Когда б Мария в нем не пробудила
 Любовью и теплом душевным силы.
 Водительство судьбы я прославляю.
 Как хорошо, что встретился я с ней!
 И ведь совсем недавно только я
 С ней снова сблизился, а уж так тесно
 Меня недели эти с нею
 В единство неразрывное связали.
 Она и в одиночестве со мной.
 Она в моем мышлении живет,
 Когда себе я цели полагаю.

(Как мысль Иоанна, появляется Мария.)

Иоанн (продолжая)

Мария здесь? Но в образе каком?
 Мне не должна **такой** она являться!
 Достойный и суровый этот облик
 Все чувства леденит! Нет! Не хочу —
 И не могу Марию я, Иоанн,
Так созерцать! О нет, то — не она,
 Не та, с которой мудрая судьба
 Соединиться в жизни мне дала!

(Мария исчезает.)

Где ты, Мария, что была любима
 Мной и тогда, когда еще меня ты
 На выси хладные не увела?
 Но и Иоанн, Марию ту любивший,
 Где он теперь? Ведь был он тут сейчас.
 Не вижу я Иоанна, что меня
Мне возвратил. Не смеет, не должно
 Минувшее отнять его жестоко!

(Опять перед его духовным взором появляется Мария.)

Мария

Такой Марии, как ты видишь, нет
 В благих мирах, где истина сияет.
 Дух Иоанна в царствах лжи творит
 Иллюзию души; — освободись
 От власти искушающих желаний!
 Твою я бурю чувствую в себе.
 Ты похищаешь нужный мне покой.
 Но не Иоанн неистовствует так,
 Стремясь ко мне; — другое существо,
 Что он в себе давно уж победил,
 Оно, как призрак, бродит в мире Духа.
 Его познав, его ты уничтожишь.

Иоанн

То, подлинно, Мария, и она
 Об Иоанне говорит, каким
 Себе теперь являться должен он.
 Давно восшел он к бытию иному,
 Чем те мечты, в которых я живу,
 Затем, что я в спокойствии ленивом
 В себе самом дремать теперь хочу.
 Но мной мой бред еще не овладел.
 Могу, хочу избегнуть я его!
 Уже не раз он звал меня, желая
 Мной овладеть вполне и безраздельно.
 Но от него хочу освободиться!
 Когда-то он духовным бытием
 Заполнил глубину души моей.
 Но ныне знать его я не желаю!

О ты, чужое существо в Иоанне!
 Оставь меня таким, каков я был,
 Когда в меня еще ты не вселился.
 Хочу узреть Иоанна без тебя.

(Тоже как мысль Иоанна, появляется рядом с Марией Бенедикт.)

Бенедикт

О Иоанн, услышь свою ты душу!
 Тот человек, что дух твой заполнял, —
 Твоей духовной сутью порожденный, —
 Он спутником твоим остаться должен,
 Чтоб человеческим твоим воленьем

Преобразил в себе его ты силы.
 В тебе он должен действовать сокрыто,
 Чтоб стал таким ты некогда, каким
 Перед собой в грядущем ты стоишь.
 В душе своей замкнув свои заботы,
 Внутри себя по жизни пронеси их.
 Себя найдешь тогда лишь, коль его
 Вобрать в себя решишься без остатка.

Мария (как духовная мысль Иоанна)

Святой обет мой излучает свет.
 Все, что завоевал ты, сохранится.

Найдешь меня на ледяных просторах,
 Где горний свет свой духи зажигают,
 Коль скоро душам сумрак угрожает.
 Ты в тех мирах ищи меня, где души
 Стяжать должны божественные чувства,
 От небытья бытие отвоевавши.
 Но не ищи меня в краю теней,
 Где изжитая жизнь души творит
 На краткий миг бытие из заблуждений,
 Где наважденье связывает дух
 Затем, что он вкушает забытие
 И подлинной серьезности бежит.

(Бенедикт и Мария исчезают.)

Иоанн

Пусть и обман
 но как красив обман!
 Он жив! Себя в нем чувствует Иоанн.
 Марии близость чувствует он в нем.
 И Иоанн не хочет знать о том,
 Как в душах разрешает тайны Дух.
 Иоанн творить желает, как художник.
 Пусть он не будет знать о том, что в нем
 Сознательно духовных высей ищет.

(Он погружается в раздумье. Со своего места поднимается Капезий и потягивается, как после глубокого сна.)

Капезий

Не пережил ли я в душе своей
 Всего того, о чем мечтал Иоанн
 В видениях земной своей тоски?
 Восходят мысли из глубин моих,
 Но не во мне, а в нем они возникли.
 В своей душе познал его я душу.

Помолодевшим видел я его,
 Каким он зрит себя. Духовный плод
 Срывает он кощунственной рукой.

Но почему я это пережил?
 Духовный изыскатель редко лишь
 Чужую душу созерцать способен.

Не раз уж я слышал от Бенедикта,
 Что это те лишь могут, кто судьбы
 Властями избран **на одну** ступень
 Духовного развития взойти.
 И разве так я толковать не вправе,
 Что в этот миг пришлось мне пережить?
 Такие откровения редки.
 Ужасно было б, если б ясновидец
 Подслушивал других людей всегда!

Но пусть мне растолкует сам Иоанн,
 Я истину ли видел, иль в бреду
 Вообразил себе чужую душу.

(Капезий приближается к Иоанну, который замечает его лишь теперь.)

Иоанн

Капезий? Я не думал, что вы здесь!

Капезий

И все ж душой от вас я был так близко.

Иоанн

Вы? Близко от меня? В подобный миг?

Капезий

Но отчего страшитесь слов моих?

Иоанн

О нет! Я не страшусь!

(В это время подходит Мария.)

Иоанн (про себя)

.....Сколь глубоко
Своим он взором душу мне пронзил!

Капезий (про себя)

Его испуг догадку подтвердил!

(Обращается к Марии.)

Сюда вы своевременно пришли:
Быть может, вы загадку разрешите, —
Отягощает душу мне она.

Мария

Я, собственно, искала Иоанна.
Я думала, что у него найду
Загадки разрешение. Мне мнилось,
Что вы удовлетворены той целью,
Которую нам ставит Готтгейрей.

Капезий

Нет, мне теперь мешает эта цель!

Мария

Мешает? Не довольны разве вы
Осуществлением своих надежд?

Капезий

То, что сейчас тут пережить пришлось мне,
Меняет все намеренья мои.
Любая деятельность на земле
Проснувшееся зренье похищает.

Мария

Кто на стезю духовную ступает,
Тот много пережить знамений должен.
Им следует он на путях духовных,
Но он неправильно толкует их,
Если они несовместимы с долгом.

(Капезий в задумчивости садится. Перед Марией появляется Люцифер.)

Люцифер

Твои усилия бесплодны будут.
Проснулись силы в сердце у него,
И мне врата души его раскроют.

Мария! Взор духовный устреми
В души его глубины — и узришь,
Как он на крыльях Духа воспарил
Над вашими деяньями земными.

(Люцифер остается. Мария поворачивается к Капезию, чтобы пробудить его от дум, но тот уже и сам очнулся.)

Мария

Когда б Иоанн в своем житейском долге
Помеху на пути своем увидел,
Пусть неоправданно такое чувство,
Но все ж понятно — трудится он внешне.
А вы, о Духе людям возвещая,
В своем кругу обычном остаетесь.

Капезий

Гораздо больше, чем в делах земных,
Расходуется дух в словах таких.
Слова объять видения стремятся,
Поняття ж ясновиденью враждебны.
И я духовного переживанья
Лишь потому сейчас был удостоен,
Что предо мной представшая душа
Хоть и близка была мне на земле,
Но **непонятной** оставалась мне.
И если образ истинен, ничто
Меня к труду земному не принудит.

Теперь мне ясно, что духовной властью
 Мне преуказаны иные цели,
 И что труды Гилария мне чужды.

(Он становится перед Иоанном.)

Скажите откровенно, Иоанн,
 Не изжитые ли свои желанья
 Здесь только что переживали вы,
 Когда ушли вы в самого себя?

Иоанн

Ужели духа моего смятенье
 Переживать душа чужая может,
 И так сильны иллюзии мои,
 Что путь в миры способны находить?

(Мария устремляет взор на Люцифера и слышит его слова. Иоанн опять задумывается.)

Люцифер

Душевные врата и тут раскрыты.
 Немедленно использую я случай.
 И если жажда духа здесь взрастет —
 Деяние любви должно распасться,
 Которое задумал Готтгетрей.
 В Иоанне власть Марии я разрушу —
 Тогда ее смогу я одолеть.

(В это время поднимается Капезий и говорит, все увереннее с каждым словом.)

Капезий

Сомнений нет! Я верно созерцал:
 То пережил он, что я в нем увидел.
 И ясно также, что открылся мне
 Он потому лишь, что я никогда
 С **понятьями** к нему не приближался.
 Духовный путь всегда уединен.
 И при взаимном пониманье лишь
 Сотрудничать друг с другом могут люди.
 Людей чуждаясь, души достигают
 Иных миров, возвышенных и светлых.

Прообразом да будет Феликс мне!
 Он на путях, неведомых другим,
 В уединенье гордом ищет свет.
 И он достиг успеха потому,
 Что он всегда понятий избегал.
 Я буду подражать ему; ваш труд,
 Бытьем земным отягощая зренье,
 Меня отныне соблазнить не сможет.

(Уходит.)

Мария

Бывает так с людьми, когда их "Я"
 Погружено в духовный сон, и страсти
 Пленяют их, доколе пробужденье
 Сияньем их опять не озарит.
 И этим сном охвачены все люди,
 Пока не пробужден духовный взор,
 И ничего о сне своем не знают
 И сон за бодрствованье принимают,
 Затем, что **вечно** спят. И ясновидец,
 В их бодрствованье пребывая, спит.

От нас Капезий ныне отойдет.
 Не мимолетное желанье лишь
 Его от наших целей отвратит;
 Не по своей вине он нас покинет, —
 Ясны судеб суровые знаменья.
 И мы должны теперь с тем большим рвением
 Все наши силы посвятить работе.

Иоанн

Мария, Иоанна не проси,
 Чтоб в это время к новым он задачам
 Готовил душу, что подобно прочим
 В духовном сне нуждается, чтоб тихо
 Побегу юных сил своих взрастить.
 Я знаю, что я некогда духовным
 Мирам служить смогу, — но не теперь!

Не требуй, чтоб я действовал **теперь!**

Пойми, что я Капезия изгнал!
 Будь зрелым я — и он бы зрелым был.

Мария

Капезия изгнал ты? Что за бред!

Иоанн

Я бодрствовал во сне и спал в сознание
И в том, что Майя пред лицом миров,
Узнал я символ зрелости своей.
Я знаю — я своим **желаньем** был,
И в мысли **лишь** другое "Я" жило.

Таким Иоанн предстал передо мной,
Каким он был пред тем, как Дух постигнул,
Что даровал ему второе "Я".
Не умер он. Желания Иоанна
Сопутствуют душе моей повсюду.
Я заглушил его, но не сразил.
Он собственного хочет бытия,
Когда должно уснуть другое "Я".
Оно ж **не может** бодрствовать **всегда**.

И в те часы спало оно, когда
Капезий пережить был в состоянии,
Как из себя я двойником был изгнан.
Стал для него знаменьем этот сон.
Не в нём — во **мне** таится сила та,
Что ныне дух его от вас уводит
И от земных заданий отвращает.

Мария

Духовные ты силы призови.
И в недра мира взор свой устреми
И жди, пока глубин вселенских силы
Не ощутят, что у тебя в душе
С их сущностью находится в родстве.
Они перед твоим духовным взором
То вызовут, что вас соединит.
Преодолей же суетность раздумий.
Пусть с духами твой дух ведет беседу.
Ты голосу духовному внимай —
Тебя он к высям светлым вознесет,
С духовной сущностью соединит.
И образ, что мерещится в минувшем,

Ты явственно увидишь в свете мира;
Без принужденья будешь править им.

Сравни его с природой элементов,
Со схемами, тенями всех родов.
И с демонами сопоставь его ты.
Так сможешь ты его цену познать.

Себя ж найди ты в царстве духов тех,
Что все начала вместе сопрягают,
И ведают семян Вселенских силы,
И мыслям сфер определяют цели.
Ты в созерцанье этом укрепишься.
И в волнах Духа ты всебытие
С душевной сутью сущностно сольешь.

Так Дух тебе сказать повелевает,
Внемли тому, что хоть и осознал,
Но с глубиной души не обручил.

Иоанн (решительно)

Внимать хочу я — и с собой бороться!

(С обеих сторон появляются стихийные духи. Слева — гномы , стального цвета, небольшие по сравнению с человеком фигуры; они почти целиком состоят из головы, наклоненной вперед; у них длинные подвижные ноги, приспособленные не для ходьбы, а для жестикуляции.

Справа — сиффы — странные существа, почти безголовые; их ноги и руки представляют нечто среднее между плавниками и крыльями; часть из них — зелено-синего, другая — желто-красного цвета; у последних более четкие контуры, у зелено-синих — расплывчатые. Слова, произносимые этими существами, соединены с выразительной, переходящей в танец мимикой.)

Хор гномов

Плотним мы, скрепляем,
Пылинки земные,
Крошим, распыляем
Утесов стынущих глыбы
И скалы рыхлим мы,
И хляби твердим мы
Силою духов телесных,
Из сил рассудка сотканных,
Что были разумны,

Тогда, когда души людские
В начале земли еще спали.

Хор сильфов

Мы ткем, мы сплетаем
И воздух и воду.
Мы делим, мы мечем
Мощь семени Солнца живую,
Мощь света, заботясь, сгущаем
И силу плодов мы вбираем
Нашим душевным телом,
Текущем в лучах ощущений,
Что вечно живя, сияют,
Чтоб люди, живя, вкушали
Смысл земных свершений.

Хор гномов

Смеемся с издевкой,
Хихикаем, глядя,
Как чувства людские
И ум, спотыкаясь,
На наши творенья глазают,
Надеясь постигнуть все то,
Что чарами духи эпохи
В их глупых глазах наколдуют.

Хор сильфов

Растим и лелеем,
Парим мы и зреем,
Если дите, оживая,
И старец, в ошибках блуждая,
Наши труды вкушают
И старчески или по-детски
В потоке времени приемлют
Все, что мы в вечности мыслим.

(Духовные существа, двигаясь навстречу друг другу, отступают назад и останавливаются на заднем фоне. Слева появляются три душевные силы: Филия, Астрид, Луна — и Другая Филия.)

Филия

Они просветленно
 Лучатся любовью
 И зреют блаженно,
 И греют, и нежат,
 И жаром пылают,
 Желанье бытья
 В бытье претворив.
 О, пусть бытие
 Согреет те души,
 Что свету с любовью
 Отдали себя.

Астрид

И жизнь созидают
 Помощники зодчих
 В ручьях и потоках,
 И землю взрыхляют,
 И воздух сгущают,
 Чтоб смены царили
 В земном становленьи.
 Пусть счастливы будут
 Их творчеством духи,
 Что в творческой жизни
 Себя ощущают.

Луна

Разумно ваяют
 Зиждители мира
 Покорную землю,
 Поверхность шлифуя
 И грань заостряя,
 Чтоб строились формы
 Природы разумно,
 Чтоб формы природы
 К трудам вдохновляли
 В строительстве мудром
 Зиждителей воли.

Другая Филия

Цветы собирают
 Они беззаботно
 В чарующих играх.
 Им истина снится,

И сон для них — явь.
 Пусть спящий сновидец
 К бытию пробудится.

**И бодрствование спящих
 Пусть душам раскроет
 Волшебную силу
 Их собственной сути.**

(Четыре душевные силы скрываются направо. Иоанн, пребывавший в течение их разговора в глубоком раздумье, поднимается.)

Иоанн

"И бодрствование спящих
 Пусть душам раскроет
 Волшебную силу
 Их собственной сути".

Вот те слова, которые так ясно
 Звучат в моей душе; а что я видел
 До этого, исчезло из неё.

Но что я чувствую, когда я повторяю:
**Волшебная сила
 Их собственной сути?**

(Он снова задумывается.)

(Перед ним появляется, как мысль, Дух юности Иоанна; слева от него — Люцифер, справа — Теодора.)

Дух юности Иоанна

Твои желанья жизнь мою питают!
 Сны юности твоей вдыхаю жадно.
 Живу тогда, когда не хочешь ты
 Проникнуть в мир, куда мне не войти.
 Коль ты меня утратишь, должен буду
 В страданиях служить теням ужасным.
 О мой творец, не покидай меня.

Люцифер

Тебя он не покинет: жажду света
Я вижу в глубине его душевной.
Он за Марией следовать не сможет.

Когда желанья светом лучезарным
Ему пронижут творческую душу,
Плоды своей неутоленной жажды
Он расточать в том царстве не захочет,
Где властвует любовь без красоты.
Пренебрежет он тем самосознанием,
Что, ценность знания преувеличив,
Цвет лучших сил ввергает в край теней.

Когда в его желаньях мудрость вспыхнет,
Тогда ему откроется их ценность.
До той поры лишь их он отвергает,
Пока они в душевной тьме таятся.
Доколе свет премудрости высокой
Не вспыхнет в них, воспитывать тебя
Я буду в свете, что таятся в душах.

К твоим мученьям нет в нем сострадания,
И в царство схем тебя он низвергает,
Когда восходит к светлым высям он.
Не помнит он, что ты, его дитя,
Страдать в бытѣ волшебном осужден.
Но я в грядущем сам с тобой пребуду,
Коль будешь мерзнуть по его вине.
И в силу прав, какие Люцифер

(При слове "Люцифер" Дух юности Иоанна вздрагивает.)

В миров уставе древнем сохранил,
В его души глубинах завоюю
Я все, чего он защитить не смог.
И одиночество твое я этой
Добычей в царстве теней облеку.

Но расколдован будешь лишь тогда,
Когда опять **сольѣтся** он с тобой.
Он может лишь **отсрочить** этот миг —
Но прав своих добиться я сумею.

Теодора

О чадо Духа! Юностью Иоанна
 Живешь в краю теней. И ты любим
 Душою, защищающей его
 В любвеобильных, светоносных царствах.
 Тебя из заколдованного круга
 Спасет она, коль от неё возьмешь
 Ту силу, что тебе блаженство даст.
 И со стихиями тебя сдружу я,
 Которые трудятся в мирозданье
 И бодрствующим душам недоступны.
 И с гномами творить ты формы сможешь,
 И сможешь с саламандрами лучиться,
 Коль ты пожертвуешь сознанием воле,
 Что без людской премудрости сияет.
 Свое незавершенное познание
 От Люцифера защитив, Иоанну
 Окажешь ценные услуги ты.
 Я из души его возьму те силы,
 Которые нуждаются в тебе
 И освежающий ему даруют сон.

Люцифер

Дать красоты тебе она не сможет
 Затем, что красотой я завладею!

Теодора

Я красоте возникнуть дам из чувства —
 И дам созреть ей в жертвенном служенье!

Люцифер

Они тебя лишат свободной воли
 И к духам тьмы тебя они низвергнут!

Теодора

Но пробужу духовное я зренье,
 Над коим ты не властен, Люцифер!

(Люцифер, Теодора и Дух юности Иоанна исчезают. Иоанн, пробудясь от раздумий, видит Другую Филию, приближающуюся к нему.)

Другая Филия

И бодрственность спящих
 Пусть душам раскроет
 Волшебную силу
 Их собственной сути.

Иоанн

О дух загадочный! Твоею речью
 Я в этот мир введен! Одно лишь чудо
 Из всех чудес мне видеть важно было:
 Действительно ли обитает в царствах
 Духовных тень, которая явилась
 Мне с Теодорою и Люцифером?

Другая Филия

Она **живёт**, разбужена тобой.

Как зеркало способно отражать
 Все, что извне в него роняет свет,
 Так все, что ты в духовных царствах зришь,
 Пока еще ты не имеешь прав
 На это созерцание, способно
 Отображаться в царстве теней сонных.

Иоанн

Так, значит, я лишь **призрак** отражаю?

Другая Филия

Но этот призрак все-таки **живёт**,
 Доколь в себе изжитое бытие
 Ты бережешь. Его ты заглушил,
 Но далеко еще не победил.
 Обманно пробуждение твое,
 Доколе тени не освободил,
 Которая **виной** твоей жива.

Иоанн

О, как тебе признателен я, дух!

Я твоему последую совету!

*Другая Филия и Иоанн остаются на сцене в спокойных позах.
Занавес медленно падает.*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Тот же ландшафт, что и во второй картине. Магнус Белликозус, Роман, Торкватус и Гиларий появляются справа, продолжая начатый во время прогулки разговор. Увлеченные серьезной беседой, они останавливаются.

Магнус Белликозус

Но если непреклонен будет он,
То как же сможет Готтгетрей тогда
Свой труд с любовью людям посвятить?!!

Роман

Что верный сослуживец Готтгетрея
Ему, как возраженье, приводил,
Имеет вес не только для людей,
Черпающих воззрения свои
Из требований жизни. Разве с ним
Не совпадают и воззренья мистов?

Магнус Белликозус

Но этот взгляд возник не в том кругу,
Который наши цели бережет.

У Бенедикта есть ученики;
Они нам помогают, и создать
Для них Гиларий мастерскую хочет,
Чтоб дать созреть духовным их плодам.
Соединила с нами их судьба
В священном Храме нашем, и наш друг
Лишь знаку повинуется, что в Храме
Духовный долг нам предписал столь ясно.

Роман

А как узнать, что голос Духа вы
Истолковали верно? Мне же мнится,
Что должен Бенедикт с учениками —
Которым он духовный мир открыл —
Пока внутри святилища остаться.

А не вступать теперь уж на дорогу,
Которую Гиларий указал.
Духовные прозренья для него
Становятся легко душевным сном.

Магнус Белликозус

Таких речей от вас не ожидал.

Понятно, если рассуждает так
Сотрудник Готтгетрея. Он из книг
Черпает все познания свои,
Тогда как вы должны же знать знаменья,
Что на своей дороге мист встречает.
Значительно и то, что Бенедикта
Ученики в святилище попали.
На нас возложен долг их откровенья
С неукоснительностью выполнять.

Торкватус

Но говорит знамение другое,
Что благодать пока не наполняет
Деяния, которое во Храме
Открылось созерцанью наших душ.

От Бенедикта и друзей Капезий
Совсем за это время отошел.
Тот факт, что он еще не пережил
Душевной бодрствленности той, что ищет
В нем Бенедикт, ложится тенью мрачной
И на уверенность учителя.

Магнус Белликозус

Прозрений дара не имею я,
Но часто ощущаю, как во мне
Предчувствие события создают.
Я помню, что, когда Капезия
Впервые в Храме вашем увидал,
Мне показалось, что судьбой поставлен
И близко он, и далеко от нас.

Роман

Такое чувство понимаю я,
 Но **сам** почувствовал я в то мгновение,
 Что мне никто из этих новых мистов
 Не близок так в судьбе своей, как Штрадер.
 И это чувство для **меня** лишь символ,
 Что указывает направление мне,
 Где мне разумных выходов искать.
 Но, занимаясь делом, я гашу,
 Как мистики велит устав суровый,
 Такие чувства и такие мысли.

В духовном мире, несомненно, я
 С учениками Бенедикта связан,
 Но если из мистического круга
 В земную жизнь назад я возвращаюсь,
 То лишь со Штрадером идти желаю.

Торкватус

Но Готтгетрея друг не признает,
 Что Штрадер может в сфере деловой
 Усовершенствовать людскую жизнь.
 А внутренний мой голос мне вещает,
 Что должным настроением душевным
 Для мистики не обладает он.
 Рассудочное знание о Духе
 И показанья внешних чувств земных
 Исследований жажду будит в нем.
 От жизни в Духе он еще далек.
 И может ли измыслить что другое
 Он, кроме бредовых и темных снов?

Роман

Еще ведь не настолько преуспел
 Он на друзей своих пути духовном,
 Чтоб с недругом души соединиться,
 Который многим мистам столь опасен,
 Когда за ними в мир проходит он.

Магнус Белликозус

Раз мните, что еще свободен он
 От недругов, ему вы помогите,
 Дабы большое дело удалось,
 Что Готтгетрей свершает чрез него.

Когда узнает Готтгетрея друг,
 Как цените того вы, кто ему
 Ничтожным представляется, то он
 Свое изменит мнение. Только вы
 Расположить его способны к делу.
 Ему известно, что во внешней жизни
 Всегда вы и во всем преуспевали
 С своим предусмотрительным умом.

Роман

Когда вы, Готтгетрей, соединитесь
 Со Штрадером, свой труд от Бенедикта
 Учеников духовных отделив,
 То **одиноким** вы в трудах своих
 Не будете, затем что помогу
 И сверх того, что хочет Белликозус,
 Я вам, и предоставить я готов
 Для вас все состояние свое,
 Чтоб планы Штрадера осуществились.

Гиларий

О нет! Не мог бы Штрадер разойтись
 Теперь с учениками Бенедикта
 И к собственным своим стремиться целям:
 Он **близок** им, не меньше чем себе!

Роман

Хоть и близки они ему телесно,
 Но что он также им духовно близок,
 До тех лишь пор способен думать он,
 Пока еще частично в Духе спит.
 Но скоро обнаружиться должно,
 Каким путем проснуться сможет он.

(Все четверо удаляются налево.)

(Справа появляются: Капезий, Штрадер, Феликс, а также Фелиция Бальде — и останавливаются, продолжая важный для них разговор.)

Капезий

Идти за Духом по путям душевным —
 Вот все, к чему способен ныне я.

И если бы заставили меня вы
 Дух воплощать в краю земных деяний,
 Я б не постиг основы бытия
 В высоких тех мирах, которых сущность
 Я до сих пор в себе не оживил.
 Я бытие миров постольку вижу,
 Поскольку их в себе я претворяю.
 Как смог бы я трудиться для других,
 Коль в творчестве себя лишь ощущаю?

Штрадер

Вам кажется, что в творчестве даете
 Лишь отраженье самого себя,
 Что сообщаете бытие свое
 В трудах своих действительности внешней?

Капезий

Да, это так, пока чужих существ
 Во внутреннем я мире нахожу.
 Сколь глубоко в других я проникаю,
 В том с болью убедиться мне пришлось,
 Когда недавно бодрствовал мой дух.

Феликс Бальде

Не говорили так вы никогда,
 И никогда вас так не понимал я,
 Затем что это "Я" в вас говорит.
 И настроенье миста в речи вашей,
 Которого искал я много лет.
 И лишь оно приять способно свет,
 Через который мы в мирах духовных
 Переживаем, бодрствуя, себя.

Капезий

Лишь потому, что чувствовал вас близким,
 Бежал я к вам, мой друг, от той затеи,
 Что внутренний мой мир убить грозила.

Штрадер

Такую речь я раньше понимал;
 И мудростью считал ее, — и вот,

Ни слова в ней **теперь** не разумею.
Капезий и мой добрый Феликс, **оба...**
За ясной речью темный смысл скрывают...

Переживаю ваши я слова,
Как одеянья неких сил душевных,
Которые меня от вас уводят
В миры, что чужды строю ваших мыслей.
Я не хочу искать их, ибо **ваши**
Миры люблю я всей своей душой.
Легко сопротивленью выношу,
Грозящее трудам моим извне;
И если б об него моя бы воля
Разбилась — я бы все же не сломился.
Но ваших царств лишиться я не в силах.

Феликс Бальде

Духовный мир найти не могут люди,
Когда в себе **искать** его хотят.

Я счастлив был, когда однажды мне
Про механизм свой рассказывали вы,
Про то, как просветленье вам дало
Ту мысль, что вы рассудком не искали.
В вас говорило настроенье миста.
Не устремляться. Тихо, мирно ждать,
Дабы в душе жило лишь ожиданье —
Вот настроенье миста. Им живя,
Мы к царству света внутренне придем.
Но внешний труд подобных чувств не знает:
Коль с мистикой вы свяжете его,
Лжемистикою жизнь вы умертвите.

Штрадер

Нуждаюсь в вас — но вас не нахожу.
Та жизнь, что нас связует, вам чужда.
Но как объединиться нам в трудах,
Когда себя лишь мисты созерцают?

Феликс Бальде

В **тот** мир, где **действовать** стремитесь вы,
Внести способность ясновиденья
Нельзя никак. Растает этот дар,

Как только переступите вы грань.
 Склонясь благочестиво перед Духом
 И созерцанье в сердце усыпивши —
 Вот как вступает в мир **деяний** мист.

Капезий

А если хочет он вступить **иначе**,
 То видит в нем лишь следствия заблуждений,
 Не мудрости сияющую суть.

Я в душу человека смог проникнуть.
 Я знал, что взор мой истину узрел,
 Но только заблуждение видел в ней.
 Все **потому**, что ясновиденье
 Затмил я деятельности желаньем.

Штрадер

Так мне Капезий говорит.
 Он предварил меня в своем развитии.
 Но **сам** я ясновидящ лишь тогда,
 Когда над повседневным размышляю,
 Когда я упованием живу,
 Что Духу я смогу построить Храм,
 В котором он сумеет свет возжечь, —
 Тот свет, что согревает Духа мир
 И с помощью земных трудов людских
 Свою отчизну ищет на земле.

Ужели же я заблуждений сын,
 О мудрый и широкий мир духовный!

*(На минуту Штрадер отворачивается от своих собеседников.
 Следующее духовное видение возникает перед ним: появляются Бенедикт, Мария и
 Ариман в форме его собственных мыслей, но, однако, вступающие в
 действительное духовное общение с ним. Сперва Бенедикт и Ариман, потом
 Мария.)*

Бенедикт

В духовном мире, мудром и широком,
 Вопросов муку хочешь утолить,
 Которыми души твоей загадка
 Обременяет разум твой земной.
 Услышь ответ, который Духа край

Через меня из глубины душевной
Тебе, мой друг, открыть желает ныне.
Но понимать учись все то, что мнишь
Ты знать, о чем так часто говоришь
И все ж о чем в душе всего лишь бредишь.

Ты сны свои той жизнью оживи,
Что из духовных царств тебе даю.
Но в сон все то в себе ты претвори,
Что мыслью ты стяжал из мира чувств.
И Феликс и Капезий отнимают
Свет от тебя, который созерцают
Они. Меж ними и тобою бездна.
Но ты их не вини, мой друг, за это.
В свою всмотрись ты бездну!

Ариман

Ну, что ж! Смотри!
И ты узришь все то, что для людей
Считаешь важным в ходе мировом.
Прекрасно было б, если бы другие
Тебе во сне явили эту бездну.
Но если Бенедикт ее покажет,
То, бодрствуя, ответ в себе убьешь ты.
Ну, что ж! Смотри!

Штрадер

Согласен я! Но как?
Вот образы: меняются, дерутся
Друг с другом непрерывно! — Вечный бой!
Сражаются друг с другом дико схемы.
И темноту рождает разрушенье.

Но вот встают из тьмы другие тени,
Укутанные розовым эфиром.
Одна из них уж ясно проступает,
Ко мне идет. Ее мне бездна шлет.

(Из бездны появляется Мария.)

Мария

Зришь демонов, — но, сделавшись сильней,
Изгонишь их. Они не таковы,

Как кажутся. И если сможешь их
 Ты удержать, пока не просияет
 Их призрачность перед душой твоей,
 То в истине ты их увидеть сможешь.
 Твое же зренье гаснет прежде, чем
 Сиянье их зажечься успеваеет.
 Их озари сиянием своим.

Где он, твой свет? Ты излучаешь тьму.
 Вокруг себя ты тьму свою узри!
 Ты в свете тьму обманную творишь.
 И тьму творя, ты чувствуешь ее, —
 Ее, отнюдь не творчество свое.
 Ты хочешь жажду творчества забыть.
 И в подсознании она таится
 Затем, что излучать свой свет боишься.
 Лишь наслаждаться ты желаешь им.
 Собою в нем ты наслаждаться хочешь
 И, дремля, погружаешься в себя ты.

Ариман

Хоть может разрешить она загадку,
 Но ни к чему тебе разгадка будет;
 Ее дарует мудрость, чтоб ты с ней
 Свои шаги к безумью устремил.
 Она тебе тогда бы пригодилась,
 Когда б тебе духовный день забрезжил.
 Но говорит с тобой Мария в дреме,
 Советами загадку умерщвляя.
 Ну что ж! Внемли!

Штрадер

Что значат речи эти?
 Из моего ль они возникли света,
 Мария? — Иль из темноты моей
 Звучат они? О Бенедикт, скажи,
 Кто мне совет из бездны подает?

Бенедикт

У бездны сей нашла она тебя.
 Так убережь людей стремятся духи
 От тех существ, что схемы образуют
 В душе и ей миров духовных царства

Окутывают тьмою, чтоб она
 В самобытье себя лишь познавала.
 Но в бездну ты свою еще всмотрись!

Штрадер

О, что еще в моей таится бездне?

Бенедикт

Вот тени: справа — красно-голубые;
 Их ищет Феликс; а другие, там,
 Налево, красно-желтого оттенка:
 Они к себе Капезия влекут.
 И оба ощущают власть теней.
 В уединеньи свет они творят,
 Чтоб победить обманчивые тени.

Ариман

Вот, если бы тебе твои он тени
 Явил; но этого не сможет он,
 Хоть и весьма бы этого хотел.
 Не замечает он, где их найти.
 Стоят они так близко за тобой,
 Но ты их сам скрываешь от него.

Штрадер

Так мне у бездны слышатся слова,
 Что глупыми казались мне, когда их
 Произносил советчик Готтгетрея.

Мария

Оружие себе готовит Феликс,
 Чтоб превозмочь опасность, но тебе
 Другое нужно на пути твоём.
 И меч, который для себя сковал
 Капезий в битве с недругом душевным,
 Для Штрадера он превратится в дым,
 Коль скоро с ним придется в Духе биться —
 В сраженье, предуказанном судьбой
 Тому, кто дух, созревший для деяний,
 Внедрять в земное становление призван.
 Употребить оружие их не сможешь,

Но должен знать его, чтобы разумно
Свой меч сковать из вещества души.

(Образы Бенедикта, Аримана и Марии исчезают, становятся внешне невидимыми. Штрадер пробуждается из духовного созерцания. Он обращает взор на Капезия, на Феликса и на Фелицию Бальде. Они опять приближаются к нему. Он садится на скалу.)

Феликс Бальде

Мой милый Штрадер! Показалось мне,
Что Дух сейчас далеко вас увлек.

(Он умолкает, ожидая, что Штрадер что-нибудь ответит, но так как тот молчит, то Феликс продолжает.)

Я отослал вас на пути иные,
Поверьте мне, не из-за бессердечья:
Хотел я воспрепятствовать тому,
Чтоб заблуждению подпали вы.
Что в Духе видит дух, должно духовно
И только так душой переживаться.
Что было б, если бы Фелиция
Все сказочные образы свои,
Переживаемые лишь душевно,
Заставила отплясывать на сцене?
Ведь тотчас бы все волшебство исчезло.

Фелиция Бальде

Я, кажется, достаточно молчала.
Но если уж вы мистикой своею
Хотите духов сказок осчастливить,
Вас поблагодарят они, когда вы
Их высосете, чтобы мистикой
Потом наполнить; хоть и подобает
Ей уваженье, но от царства сказок
Пускай она подальше отойдет.

Капезий

Фелиция! Ведь ваши сказки мне
Духовный путь впервые указали.
Что вы о духах воздуха и вод
Душе моей так часто возвещали, —

Мне стало благовестьем тех миров,
Которые, как мист, ищу я ныне.

Фелиция Бальде

Но с той поры, как мистом стали вы,
Меня вы вопрошаете так редко,
Чего хотят созданья сказок светлых.
Из них лишь наиболее достойных
И строгих вы теперь признать согласны;
А те, что в светлой радости танцуют, —
Для вас они мистически противны.

Капезий

Фелиция, не сомневаюсь я,
Что некогда я тех существ познаю,
Что за шутливой маскою своей
Серьезный смысл таинственно скрывают.
Теперь еще я слишком слаб для них.

Феликс Бальде

Как я люблю созданья, что тобою
Сотворены, Фелиция, ты знаешь.
Вообразить же в виде кукол мертвых
Созданья эти, — неприятно мне.

Фелиция Бальде

Для этих зрелищ слишком **ТЫ** высок.
А я, про планы Штрадера узнав,
Была весьма обрадована ими.
И радостно мне также, что Томазий
Желает Дух в материю облечь.
Своих я принцев в Духе созерцаю
И саламандр я вижу в пляске резвой.
Художественный кукольный театр!
И я в воображенье представляю,
Как радостно должны их встретить в детской.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Тот же ландшафт, что и во второй картине. Управляющий Конторой и Роман, гуляя, разговаривают друг с другом.

Управляющий Конторой

Вы Готтгетрея знаете друзей
И вы настолько умный человек,
Что ищите воззрений достоверных
И в области мистической, и в жизни —
Вот почему ваш взгляд я так ценю.
Но все ж его понять я не могу:
Хотите вы, чтоб Штрадера друзья
Держались в сферах Духа и свой взор
Духовный на деяния земные
Не устремляли. Разве не пристало
И Штрадеру идти дорогой той же?
Не доказал ли склад его духовный,
Что демоны природы ослепляют
Его всегда, когда с желаньем сильным
Путей он ищет в сферу внешних дел?

Разумный мист сперва все силы духа
Внутри себя стремится укрепить
Пред тем, чтоб злым врагам сопротивляться.
Но не созрел еще настолько Штрадер,
Чтобы врагов подобных замечать.

Роман

Но с ним благие духи пребывают,
Которые руководят душою,
Еще не ведающей сфер духовных.
От миста же скрываются они,
Коль скоро он себя соединяет
С помощниками из духовных сфер.
И в Штрадере мне чувствуется ясно,
Что демоны природные еще
Ему даруют импульс **благотворный**.

Управляющий Конторой

Как? Только чувство принуждает вас
Считать, что в нем творят благие духи?
Даете мало, требуя взамен
Столь многого.

Спрошу я духов этих,
 Раз в будущем хочу работать здесь,
 Где столько лет уже трудился я
 И где служил я истинному Духу,
 Что жил в отце покойном Готтгетрея.
 Со мною говорит он из могилы,
 Хоть сын не слышит голоса его.
 А что сказал бы дух большого старца,
 Увидев фантастических людей,
 Которых в дом свой сын его привел?
 Я знал сей дух, который девяносто
 Лет в теле прожил; он мне передал
 Секрет своей работы в годы те,
 Когда он дело вел, его же сын
 Мистические храмы посещал.

Роман

Мой друг, ужели неизвестно вам,
 Сколь высоко я этот дух ценю?
 Ему, конечно, старец тот служил,
 В котором вы свой образец нашли.
 И с детства до сегодняшнего дня
Ему всегда служить стремился я.
 Но храмы мистов посещал и я
 И сохранял усердно их даянья
 Я в собственной душевной глубине.

Но забывал я настроенье храма
 У врат его, как только в жизнь вступал.
 Я знал, что этих настроений власть
 Я так всего успешней в жизнь внесу.
 Я **душу** из святилища в работу
 Вносил. А для нее ведь хорошо,
 Когда рассудок не мешает ей.

Управляющий Конторой

Вы мните, Штрадера духовный склад
 На ваш, мой друг, хоть чуточку похож?
 Не вижу с вами рядом я существ,
 Которых Штрадер привлекает к нам.
 Я чувствую, когда он говорит,
 Что духи элементов проникают
 В его слова, в движеньи непрерывном

Сверхчувственное бытие являя,
И отвращают от него меня.

Роман

Меня вы этим словом уязвили.
Я, сблизившись со Штрадером, узнал,
Что мысли от него проистекают,
Особой обладающие силой.
Как будто бы их создаю я сам.
Однажды я подумал: может быть,
Не **мне** — **ему** принадлежит та сила,
Что человеком сделала меня!
Затем пришло еще другое чувство:
Быть может, все, что делает меня
Способным человечеству служить,
Из прежнего пришло существованья?

Управляющий Конторой

Переживаю так его и я.
Дух, в нем живущий, привлекает всех,
Кто в жизни приближается к нему.
И если вы душой своею сильной
Ему подпали, мне ли уберечься,
Когда начну совместно с ним работать?

Роман

Мне кажется, что лишь от вас зависит
С ним надлежащий тон установить.
Мне власть его уж повредить не сможет
С тех пор, как удалось мне разобраться,
Как эту власть он приобрести сумел.

Управляющий Конторой

Над **вами** власть? И **он** её стяжал?
Такой фантаст над мудрецом житейским?

Роман

Но если допустить вы захотите
Что в Штрадере живет великий дух,
Достигший в предыдущем воплощеньи
Необычайной высоты душевной;

И что он много знал, чего другие
 Умом своим объять не в состоянии, —
 То вы тогда поймете, что возникли
 У Штрадера в душе когда-то мысли,
 Которые и в жизнь затем проникли
 И там нашли земных людей, которым
 Подобно мне присуще мастерство,
 Житейская практичность и сноровка.
 Идеи, что я в юности усвоил
 Из окружавшей дух мой обстановки,
 Быть может, от него проистекают.

Управляющий Конторой

Ужель плоды премудрости житейской
 Приписывать влиянию его?
 Мне кажется сие недопустимым.

Роман

Так поступать я вовсе не хочу.
 Не грежу я с закрытыми глазами,
 И сумеречно прозябать в идеях,
 О нравственном учении мечтая,
 Поверьте мне, совсем я не желаю.
 Открытыми глазами я смотрю
 На Штрадера и на дела его,
 На все, что в нем; на все, что сам он есть;
 На все, что в нем бесплодно даже, — все
 Мне говорит, что верно я составил
 О Штрадере суждение свое.

Как будто уж века тому назад
 Сей человек передо мной стоял —
 Так ныне я его переживаю.
 И **знаю** я, что бодрствует мой дух.
 И Готтгетрея труд я разделю;
 И да свершится то, что суждено!

Подумайте над планом Готтгетрея.

Управляющий Конторой

Да, важно мне, по правде говоря,
 Обдумать все, что высказали вы.

(Управляющий Конторой и Роман продолжают свою прогулку. С другой стороны появляется Иоанн, погруженный в мысли, и садится на скалу. Сначала Иоанн один; потом появляется Двойник, Дух юности Иоанна, а под конец — Страж Порога.)

Иоанн (один)

Как удивительно Капезий смог
 Переживания души моей
 В духовном созерцании постигнуть!
 Как омрачилось все, что в ясном свете
 Мне представлялось много лет назад.
 Что все, живущее в душе людской,
 Духовно существует и вовне,
 Я знал давно, и все ж **забыл** об этом.

Когда открыл мне путь мой Бенедикт,
 Я созерцал при первых же шагах
 Перед собою в возрасте ином
 Капезия и Штрадера духовно.
 И видел я, как сила их мышленья
 Все мирозданье бурно волновала.
 Я это **знал** — и все-таки не знал,
 Когда Капезий это мне открыл.
 Спала во мне сознательность моя.

Что я в давно минувшем воплощенье
 С Капезием соединенным был:
 Я эту тайну знал уже давно,
 Но в то мгновенье я ее забыл.

О, как могу сберечь свое познание?

(Издали слышен голос Двойника Иоанна.)

Голос Двойника

**Волшебная сила
 Их собственной сути.**

Иоанн

И бодрствование спящих
 Пусть душам раскроет
 Волшебную силу
 Их собственной сути.

(В то время как Иоанн произносит эти слова, к нему приближается Двойник. Иоанн не узнает его, принимая его за Другую Филию.)

Иоанн

О дух загадочный, ты снова тут!
Душе моей совет ты подал верный.

Двойник

Обманно пробуждение твое,
Пока ты тени не освободишь,
Которая виной твоей живет.

Иоанн

Ты это мне вторично говоришь.
Я повинуюсь. Путь мне укажи!

Двойник

Оставь, Иоанн, в теней волшебном царстве
Того, кого в себе ты потерял,
Но светом Духа озари его,
Дабы он смог избавиться от муки.

Иоанн

Я тень свою хотя и оглушил,
Но не преодолел, и в царстве теней
Она волшебным призраком пребудет,
Пока я вновь с ней не **соединюсь**.

Двойник

Верни мне, что ты этой тени должен:
Любовь твою, что к ней тебя влечет,
Всю свежесть жизни, что она таит,
Надежду сердца, созданную ею,
Плоды давно минувших воплощений,
Которые утратил вместе с ней.
Отдай их **мне**: я передам их **ей**!

Иоанн

Ты путь к ней знаешь? Мне его открой!

Двойник

Да, в царстве теней мог я к ней проникнуть,
 Когда ты в сферы Духа возносился.
 Но с той поры, как соблазнился ты
 Желаний силой и ту тень ты ищешь,
 Найти ее я силы не имею.
 Но если ты исполнишь мой совет,
 То эта сила снова возродится.

Иоанн

Последовать я клялся за тобой,
 О дух загадочный, и всею силой
 Души своей готов поклясться снова.
 Но если к тени ты дорогу знаешь,
 То в этот час ее ты **укажи** мне.

Двойник

Хоть знаю путь, вести тебя не в силах.
 Лишь показать очам твоим душевным
 Я это существо теперь смогу.

(Появляется Дух юности Иоанна.)

Дух юности Иоанна

Пребуду связан с духом я всегда,
 Душевные глаза твои раскрывшим,
 Чтоб мог меня ты созерцать в грядущем,
 Когда тебе являться в Духе буду.
 Но в истине познать тот дух ты должен,
 С которым рядом видишь ты меня.

(Дух юности Иоанна исчезает, и только теперь Иоанн узнает своего Двойника.)

Иоанн

Не дух загадочный, а "Я" мое!

Двойник

Иди за мной! Ты это обещал!
Иди за мною к моему владыке!

(Появляется Страж Порога и становится рядом с Двойником.)

Страж Порога

Коль эту тень духовную ты хочешь,
О Иоанн, отнять у царств волшебных,
Убей сперва соблазн своих желаний.
Ты не найдешь искомого следа,
Пока с желаньем ищешь ты его.
И мой порог минувешь ты тогда.
Но взор душевный искажаю я,
Согласно воле мировых существ,
Когда желанья есть в духовном взоре,
Который должен встретить тут меня
Пред тем, как в свет вселенский погрузиться.

Твое я созерцанье омрачу,
Пока с желаньем ищешь ты меня.
Ты и меня обманно созерцаешь,
Пока желанья взор твой затемняют,
Пока духовный мир не овладел
В душевном теле существом твоим.
Священным словом укрепи себя,
Чтоб силой слов иллюзию победить.
И **без желания** меня познай —
И в истине тогда меня узришь.
И запрещать тебе уж я не стану
Взор устремлять свободно в сферы Духа.

Иоанн

И ты во мне обманно лишь живешь?..
И ты... чье существо всех раньше должен
Я в царстве Духа истинно узреть?

Как истину узнать мне, если я
Пока одну лишь истину нашел:
Что все мрачней становится обманность?

Ариман

Ты до конца ему не отдавайся!
Оберегает все же он порог,

Хоть и облекся в одеянья он,
 Которые из давних откровений,
 Тобою пережитых, ты соткал.
 Но, как художник, воздержись его
 Изображать героем скверной драмы.
 Впоследствии ты в этом преуспеешь —
 Ведь даже шарж полезен для души.
 Тебе не надо тратить много сил,
 Чтобы его, как должно, разглядеть, —
 Достаточно прислушаться к нему:
 Как элегичен тон! И что за пафос!
 Но запрети ему — и ты узришь,
 Откуда он заимствовал свой стиль.

Иоанн

Ужель и **смысл речей** его обманчив?

Двойник

О том не Аримана вопрошай,
 Который всем противоречьям рад.

Иоанн

Кого ж спросить мне?

Двойник

Самого себя!
 Вооружу тебя своею силой,
 Чтоб, бодрствуя, нашел в себе ты сферу,
 Где видно все, чего не жаждешь ты.
 О, укрепись!

Иоанн

Волшебная сила
 Их собственной сути.
 Ты, что в моих глубинах зачарован,
 Поведай мне, чего не жажду я!

(Страж исчезает. На его месте появляются Бенедикт и Мария.)

Мария

Ты и меня не в правде созерцаешь
Затем, что взор твой замутнен желаньем.

Бенедикт

Не овладел еще духовный мир
В душевном теле существом твоим.

(Двойник, Бенедикт и Мария исчезают.)

Иоанн (один)

О, как могли Мария с Бенедиктом
Предстать передо мною в виде стражей?
Хоть много лет уж с вами к провел,
Но вас искать повелевает мне
Дух, что в моих глубинах зачарован.

(Он удаляется налево. Справа появляются Штрадер, Бенедикт и Мария.)

Штрадер

Пред бездной собственной души моей
Вы помогли мне в единенье с вами
Истолковать видения мои,
Что в настоящем непонятны мне,
Но в будущем они душе моей
Помогут разрешить загадку жизни,
Препятствующую моим исканьям.

Духовному ученику даете
Вы силы деятельностью своей.
И помощь я хочу вам оказать
В труде, который хочет Готтгетрей
Людскому процветанью посвятить.

Хотя Капезия мы и лишились,
И хоть другие люди заменить
Его на этом поприще не могут,
Но да свершится то, что суждено!

Бенедикт

И да свершится то, что суждено!
Такая речь ступени отвечает,

Которой вы достигли, но она
В других друзьях ответа не рождает.

Еще Томазий не вооружился,
Чтоб Духа власть вносить в бытѣ земное.
От нас он тоже хочет отойти.

Увидим в этом предзнаменованье
И будем ждать теперь еще другого.

Штрадер

Но вы с Марией? **Вы** же не ушли?

Бенедикт

С собой Иоанна взять должна Мария,
Коль скоро хочет из Духобытья
На землю верный путь она найти.
Так ныне требует тот строгий страж,
Что на границе двух миров стоит.

Она пока не может вам помочь.
Принять должны вы это, как знаменье,
Как знак того, что в сферу вещества
Дороги вам пока не проложить.

Штрадер

Итак, я в одиночестве останусь!
О одиночество, не **ты** ль искало
Меня, когда я с Бальде говорил!

Бенедикт

То, что в кругу у нас произошло,
Событья вашей собственной судьбы
В духовном свете дали мне прочесть, —
То слово, что в былые времена
Неуловимо было для меня.

Вас связанным я видел с существами,
Что создавали б зло, когда б теперь
Они вмешались в творчество людей.
Но их зачатки обитают в душах,
И в будущем должны они созреть.

Есть и у вас в душе зачатки эти,
И благо вам, что вы не зрите их.
Через вас они себя познают сами.

Но ныне им пути еще закрыты,
Что в сферу вещества их приведут.

Штрадер

Из ваших слов одно лишь я усвоил:
Что ищет одиночество меня.
Воистину **оно** скует мне меч мой,
Как мне пред бездной изрекла Мария.

(Бенедикт и Мария несколько отступают. Штрадер остается один. Появляется Душа Теодоры.)

Душа Теодоры

И в светоносных царствах Теодора
Создаст тебе тепло, дабы твой меч
Духовный недругов души сразил.

(Штрадер уходит. Бенедикт и Мария приближаются снова.)

Мария

Учитель мудрый, никогда еще
С учеником ступени Штрадера
Так не беседовали вы при мне.
Ужель идет так быстро он вперед,
Что эта речь ему не повредит?

Бенедикт

Я поступил, как мне судьба велит.

Мария

А если вредной будет сила слов,
То и на вас падут ее последствия.

Бенедикт

Вреда не будет, хоть не знаю я,
Как в нём самом раскроется она.

Хоть лицезрю теперь я царства те,
Откуда мне совет такой сияет,
Его последствий все ж не вижу я.
Когда ж пытаюсь, взор мой угасает.

Мария

Как? Мой учитель, взор ваш угасает?
Но кто же может взор ваш погасить?

Бенедикт

Восходит с ним Иоанн в просторы мира.
Идем за ним! Я слышу, он зовет!

Мария

В просторах мира зов его звучит.
Лучится в этом дальнем зове страх!

Бенедикт

Звучит из вечной ледяной пустыни
Мистического друга зов далекий!

Мария

Во мне самой **пылает** холод льда,
В моих глубинах пламя зажигая.
И сожигает мысль мою оно.

Бенедикт

В души твоей глубинах огонь пылает,
Зажженный Иоанном в стуже мира.

Мария

И огонь летит!.. С ним улетают мысли!
На отдаленном берегу вселенском
Жестокий бой: мое мышление бьется
С холодным светом в струях небытья.
Колеблется мышление; хладный свет
И моего мышления знойный мрак!
О, что из зноя темного встает?

В огне багровом "Я" мое летит...
В холодный свет... в просторы ледяные!..

Занавес.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Область духа. Потоки красок: наверху — красноватые и огненно-красные, внизу — синие и темно-синие, переходящие в фиолетовый цвет. Внизу — символическая земная сфера. Появляющиеся фигуры образуют с этим цветовым потоком одно целое. Справа — группа гномов, уже появлявшаяся во второй картине; перед ней — Гиларий. Совсем впереди — душевные силы.

Душа Феликса Бальде (совсем справа, в виде кающегося, в светло-фиолетовом одеянии с золотым поясом)

Благодарю тебя, вселенский Дух,
Меня из одиночества уведший!
Ты пробуждаешь к жизни и труду.
Возьму я все, что даришь ты мирам,
О коих размышляю я потом,
Когда мой мир ты мне забыть даешь.
К ним на лучах ты устремляешь силы,
Что укрепляют творчество мое.

Люцифер

(голубовато-зеленый хитон; сияющая красная мантия, имеющая форму крыльев; над головой не аура, а темно-красный головной убор с напоминающими митру крыльями; у правого крыла голубой меч; левым крылом он поддерживает планетообразный шар. Он стоит справа и сзади, возвышаясь над душой Феликса Бальде)

Слуга мой верный, требует твой труд
Той солнечной поры, в которую мы входим.
Земля приемлет ныне тусклый свет,
Сейчас такие души, как твоя,
Всего успешней над собой трудятся.

Я от истока света своего
Дарю тебе самобытия зачатки.
Сосредоточь их в сильном "Я" своем —
И расцветут они в бытье земном,
И их цветеньем там ты насладишься.
Собой самим ты наслаждаться будешь,
Отдавшись в мыслях сладостным мечтам.

Душа Феликса Бальде (смотря в сторону гномов)

Там, в отдаленье исчезает свет
И вглубь уходит в образах туманных.
В парении он стать весомым хочет.

Душа Гилария (очеловеченный образ стихийных духов серо-голубого, стального оттенка; но голова его менее наклонена, и тело имеет более человеческие формы)

Туман желаний — этот свет земли,
Который сферой Духа отражен.
Здесь для земли ты мыслебытие
Из вещества душевного творишь.
Хоть видишь ты туман лишь мимолетный,
Но существа живут в тумане этом,
И на земле с рассудком мировым
Творят в огне бесформенном и жадном.

Душа Феликса Бальде

Отягощаться не хочу их весом —
Обуза он для взлета моего.

Ариман

Прекрасно, друг! Возьму я это слово
И сохраню его я неизменным.
Ты сам его взлелеять не сумеешь,
А на земле его б возненавидел.

Душа Штрадера (видна только голова в желто-зеленой ауре с красными и оранжевыми звездами, справа от Феликса Бальде)

И звук, и отзвук слов воспринимаю,
Смысл остается, звук же исчезает.
Исполнен отзвук жаждой бытия.
Какое изберет он направление?

Другая Филия (как бы копия Люцифера, но без сияния; вместо меча — своего рода кинжал, а вместо планеты — напоминающий плод красный шар)

Возжаждав веса, убегает он
Туда, где свет бытийственности гаснет
И меркнет в смутных образах глубин.

Коль смысл его в себе ты сохранишь,
Творить туман тебе я силу дам.
И на земле ее найдешь ты снова.

*Филия (ангелоподобное существо— желтое, переходящее в беловатый свет, со светло-фиолетовыми крыльями; нюансы светлее, чем потом у Марии. **Все три образа душевных сил вблизи от души Штрадера**)*

Я для тебя лелею существа
Тумана, чтоб они твоею волей
Руководили. Я ее свяжу
Со светом мира, чтоб ты в нем согрелся.

Астрид (ангелоподобное существо в светло-фиолетовом одеянии с голубыми крыльями)

Жизнь звездную блаженно излучаю
Я для существ, чтоб в формы уплотняли
Они ее. Ты телом в них окрепнешь.
От знания — далеко они, от сердца — близко.

Луна (стройное ангелоподобное существо в сине-красном одеянии с оранжевыми крыльями)

Я в теле чувственном твоём сокрою
Созданий тяжких, тяжестью творящих,
Чтоб мысль твоя дурному не служила
И бурь в бытѣ земном не порождала.

Душа Штрадера

Как солнечно все трое говорят!
Уж в мой они вступили кругозор,
Созижда многочисленных существ.
Растет во мне порыв — в единство их
Преобразить души разумной силой.
О Солнце — Царь, ты пробудись во мне,
Чтоб мог сопротивленьем я смягчить
Тебя! Из круга лунного оно.

Вот чувств тепло в сиянье золотом
И холод мысли — в блеске серебра.
О, вспыхни же, Меркурия порыв!
Свяжи разъединенные миры!

Я чувствую, что вновь творится часть
 Картины той, которую создать
 Из сил миров духовных должен я.

Душа Капезия (появляется при первых словах Штрадера; видна только голова, имеющая синюю ауру с красными и желтыми звездами)

На дальних берегах души встает
 Видение, которого не знал
 С тех пор я, как оставил жизнь земную.
 И из него струится благодать,
 И мудрости сиянье и тепло.
 Свет моему бытию оно дает.
 И если б я сложил его в единство,
 Свою бы жажду им я утолил.
 Где силу взять, которая его
 В кругу моем вполне бы воплотила?

Луна

Дары своих двух жизней ты **почувствуй!**
 В эпохе древней строго протекла
 Одна из них; другая честолюбием
 Омрачена была; насыть ее ты
 Той первой жизни силой благодатной.
 И огневые души Зевса ты
 Тогда в своем увидишь кругозоре,
 Почувствуешь себя ты укрепленным.
 Тогда тот лик, который ты теперь
 На берегах душевной сферы зришь,
 С собою рядом ты увидеть сможешь.

Душа Капезия

Должно быть, **виноват** я пред душою,
 Что ныне ищет воплощенья, если
 Передо мной теперь она явилась.

Астрид

Да, это так! Но призван ты судьбой
 Не в этой жизни долг свой погасить.
 Судьба тебе дарует силу мысли,
 Чтоб человека ты того нашел,
 Что свой грядущий лик тебе явил.

Другая Филия

Пусть приближается к тебе виденье, —
 Не сможет все ж в тебя оно проникнуть.
 Умерь его стремление к себе,
 Чтоб смог опять ты землю отыскать
 Пред тем, как излилось оно в тебя.

Душа Капезия

Предчувствую, что дать оно мне сможет,
 Когда его **приблизить я хочу**,
 Свою самостоятельность храня.
 И в сфере Филии я лицезрю
 В видениях те силы пред собой,
 Что должен буду взять я от нее.

Филия

Когда тебе Сатурн свой свет цветной
 Пошлет, ты этот час не упусти.
 В твоей душевной оболочке он
 Родной тот образ силою своею
 Насадит и в мышления корнях
 Откроет смысл земного становленья,
 Когда опять звезда в тебе взойдет.

Душа Капезия

Пусть это указанье поведет
 Меня, когда Сатурн сиять начнет.

Люцифер

Хочу, чтоб эти души созерцали
 Миры, которых свет так мучит их,
 Покуда эту солнечную пору,
 Для будущего бытия земного
 Готовы, не покинут. Пусть сомненьем
 Их мука оплодотворится. Сферы,
 Им недоступные, я закляну.

*(В середине этой сферы появляются Бенедикт и Душа Марии. Облик **Бенедикта** воспроизводит в малом конфигурацию всей обстановки. Внизу расширяясь, его одеяние переходит в голубовато-зеленый тон; вокруг головы красно-желто-синяя аура; синий тон постепенно переходит в голубовато-зеленый тон всего одеяния.*

Мария походит на ангела; желтый тон переливается в золотой; ног нет; светло-фиолетовые крылья.)

Душа Бенедикта

Отяготили круг мой мировой
Вы плотною земной своею сферой.
Коль утвердитесь в самобытии,
Вы не узрите в этом бытии
Сиянья солнечной моей природы.

Мария

Когда в последний раз ваш дух облекся
В земное вещество, то вы чуждались
Его. В душе у вас, однако, зреет
Власть солнечного Слова, коим он
Лелеял вас в давнишние эпохи.
Познайте глубочайшее свое
Влечение, и его вы ощутите.

Душа Феликса Бальде

Звучат слова из областей мне чуждых,
Но света не рожают звуки их.
Они не существуют для меня.

Душа Штрадера

Сияющее вижу существо.
Оно молчит, как я и не стараюсь
Подслушать смысл далекого сиянья.

Душа Фелиции Бальде (Облик кающейся, в желто-оранжевом одеянии, с серебряным поясом. Совсем близко от Марии.)

Вы, души, коих Люцифер созвал.
Хогь кающийся слышит вашу речь,
Но только Слово Солнца светит в нем.
Его **сверхблеск** ваш голос заглушает.
Другой же лицезрит ваш звездный свет,
Но звезд письмо не ведомо ему.

Душа Капезия

Что? Звёзд письмо? Во мне рождает мысли
Такая речь в взволнованной душе.
Да, мысли, что так царственно во мне
В минувшем воплощенье раскрывались.

Они сияют. Быстро исчезают...
Забвение простерло тень свою.

Страж Порога (символическое одеяние, ангелоподобный, приближается к душам Бенедикта и Марии)

Вы, души, что друг к другу подошли
По повеленью Люцифера, вы
Подчинены мне тут, на месте этом.
Кого вы ищете — те ищут вас.
Но не должны в вселенский этот час
Они коснуться вас в своих кругах
Мышлением. — Остерегайтесь же
Проникнуть в уделенные им сферы.
И вам, и им бы это повредило.
Я должен был бы света звезд лишить вас
И должен был бы навсегда от них
Вас всех изгнать в другие сферы мира.

Занавес.

*** Постановка в Гётеануме: см. [фото](#) ***

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Духовная сфера, как в предыдущей картине. Теплое, не слишком яркое освещение с нюансами.
Слева стоят сильфы, впереди — Филия, Астрид и Луна.

Душа Капезия (справа, почти в середине сцены)

Тот образ, полный высшей благодати,
Что в солнечную пору мне явился, —
И ныне он во мне еще живет,
В то время как другой духовный свет
Сияет многокрасочно вокруг.
Но этот образ стал еще сильней.
Он хочет, чтоб я для эпох грядущих
Взял от него, что в чувственном бытие
Мне некогда дала душа, в виденьи
Значительно открывшаяся мне.

Но никакое чувство не влечет
 Меня стихийно к ней.

Душа Романа (видна только верхняя часть до пояса; мощные красные крылья, превращающиеся над головой в красную, переходящую в синее, ауру; стоит вблизи от души Капезия. Недалеко от него души Белликозуса и Торкватуса)

Узри еврея,
 Который только ненависть встречал
 Со всех сторон, однако же служил
 Союзу мистов с верностью. Ты с ним
 В минувшем воплощении был связан.

Душа Капезия

Теперь воспоминания встают,
 С великой силой мной овладевая.
 И Симон из души моей всплывает.
 Но с ним еще другое существо:
 То — кающийся. Как его избежать!

Душа Романа

Лишь в солнечную пору мира он
 Здесь действовать способен; одинок
 И мраком он объят, когда Сатурн
 Духовно озаряет этот край.

Душа Капезия

Он вводит в заблуждение меня.
 Моей души сияющую ауру
 Своей души лучами он пронзил.
 Лишь тот, кто вглубь чужой души способен
 Внедряться, может проявляться так.

Душа Феликса Бальде(заглушённым голосом)

"Мой милый Кюне! Были вы всегда
 Верны..."

Душа Капезия

Через него... слова мои
 Как отзвуки звучат в духовных сферах!

Искать я должен буду эту душу.
Я ей знаком, — и с ней себя найду я.

(Душа Капезия исчезает; слева появляются: Другая Филия с Душой Теодоры, а за ней Душа Фелиции Бальде.)

Душа Романа

Вот двое к кающемуся идут,
И впереди идет тот дух, который
Является всех любящих вождем.
И из одной души исходит кротость,
Струясь к другой, которая себя
Являет в покаянье. И виденье
Полно премудрости и красоты.

Душа Торкватуса (видима по грудь; синяя аура, зеленые крылья)

Ты видишь отраженье жажды той,
Что из души своей в твою я сферу
Даю струиться, наш союз лелея.
Вершителем я кротости твоей
Судьбы властями вечными назначен.
Так души душам в Духе помогают.
Способностью сочувствия ты сам
Восполнить свой рассудок бы не мог.

Душа Белликозуса (как душа Торкватуса, но в сине-лиловой аура, с сине-зелеными крыльями)

Слух духа напрягите! Говорит
Свет кротости струящая душа.
Здесь блеск Сатурна в душах вызывает
Духовного блаженства горний свет.

Душа Теодоры (ангелоподобное существо — белое, с желтыми крыльями и желто-синей аурой)

О верная духовная подруга!
Свою любовь ему ты ниспошли
В сиянье нежном, чтобы погасить
В нем одиночества огонь глухой.
Направь к нему мышления лучи
От тех теней, которые теперь
В мирах духовных силы собирают,
Чтоб их тела душевные блистали

И чтобы из сиянья их и блеска
В земном существовании людей
Могла возникнуть воля к процветанью.

Душа Фелиции Бальде
Ты, кающийся, ощути меня!
Свет звезд приемли солнечной душою!
Пока не сбросит Люцифера уз
Твой дух, сопровождаю я тебя
В уединенье и даю тебе,
Блуждая от звезды к звезде в мирах,
Те силы, что теперь тебе нужны.

Душа Теодоры

Изжитое мышление земное
На берегу душевном... Человек
Передо мной встает... сюда идет!
И сказанное снова здесь звучит:
"От Бога изошла душа людская
И в бытии утонет умирая.
Но некогда от смерти дух воспрянет".

(Пока произносятся последние слова, появляется Люцифер с Душою Иоанна.)

Другая Филия

То братолюбие, что на земле
Ты проявила, — вновь оно живет
В сем образе, звучащем пред тобой.
Пресуществлю его я в дар душевный.
Приемлют теньевые существа
То слово, что к тебе я обращаю.
В бытье земном в тебе они пробудят
Все то, о чем извечно размышляли.
О кающаяся духовных сфер!
Ты к звездам шаг души своей направь.
Необходим и демонам твой труд,
Из коего **фантазию** излучая,
Они бытье земное окрыляют.

Душа Фелиции Бальде

О Филия, ты, что любовь созиждешь
От духа к духу, от звезды к звезде,
Сестра моя, пойду я за тобою

И за тобою к звездам вознесусь!
 Твои слова внесу я в сферы мира,
 Себя в трудах духовных созидаю
 Для будущих скитаний на земле.

(Душа Феликса Бальде, ведомая Душой Фелиции, медленно исчезает. Теодора некоторое время остается неподвижной, созерцая Душу Иоанна; потом исчезает и она, а также Душа Томазия с Люцифером.)

Душа Романа

На этом месте созерцали мы
Соединенье творчества с любовью
 В словах духовных; это созерцанье
 Побег в наших душах укрепит,
 Потребные для нас в грядущих жизнях.

(Души Романа, Торкватуса и Белликозуса исчезают. Появляются души Бенедикта и Марии рядом со Стражем Порога.)

Страж Порога

Познайте вашу полночь мировую!
 Тем зрелым светом я чарую вас,
 Что шлет Сатурн, пока обличья ваши,
 Самих вас мощью света освещая,
 И, бодрствуя, живут в лучах цветистых.

Душа Марии

Что? Пробужденье душ в полночи мира? . . .

Когда-то в лунный век сказала Солнце
 Слова судьбы: "Все те людские души,
 Что в полночь мира бодрствовать способны,
 Зрят молнии, которые, сверкая,
 Для них необходимость озаряют,
 Как взор духовный, умерев в познание,
 В знамение судьбы преобразится,
 Запечатляя вечный след в душе".
 И эти души слышат громовые
 Слова, что в недрах мира раздаются
 И всякой лжи душевной угрожают.

(Снова появляются Люцифер и Душа Томазия.)

Душа Бенедикта

Из ледяной пустыни вековечной
 К нам долетает дружеский призыв.
 Когда познаем полночь мировую,
 Проникнем мы в духовный круг души.

Душа Марии

Все ближе пламя моего мышленья,
 Идущее с берегов души моей.
 Нещаден будет бой; мое мышление
 С мышленьем Люцифера бьется.
 В чужой душе я в битву с ним вступаю.
 И знойный свет из хладной тьмы несется.
 Блистают в молниях знойный свет души —
 Душевный свет — средь ледяной пустыни.

Люцифер

Познай мой свет — мой знойный свет миров!
 И молнии зри! Их из моих **владений**
 Своим мышленьем высекаешь ты.
 Ту душу, с коей связана была
 Ты столь давно, тебе я покажу,
 Ведь ты переживаешь полночь мира,
 Но измени исканий направленье,
 Коль скоро хочешь сблизиться ты с ней.
 Душа, следовавшая за мной!
 Используй силу света, что Сатурн
 Ей излучает в полночи миров.

Душа Иоанна (ангелоподобное существо в красно-розовом одеянии, без ног, с сине-красными крыльями)

Я души чувствую, но силы нет,
 Чтоб оживить в себе их свет далекий.
 Как ни **близки** они, но все ж творят
 Лишь издали сияющие мысли.
 О, как смогу их в Духе я узреть?

Филия

Ты их узришь, коль быстро схватишь ты
 Все, что они сияньем озаряют.

Но торопись! Используй этот миг, —
Исчезнет скоро уж сиянье их!

Душа Иоанна

То, что сейчас учитель изрекает
Ученику, который мне так близок,
Да озарит и мой душевный круг.

Душа Бенедикта

Ты в эту полночь Духа породил
Ту волю, что ты сможешь ощутить,
Когда вернешь ты облик свой земной, —
И речь твоя для друга **светом** станет.

Душа Марии

Так пусть же Слово укрепитя в свете,
Что подарила в полночь мира я
Душе, что Люцифер привлек ко мне.
Все, все, что дорого душе, хочу
Увидеть я и выразить словами,
Чтоб в той душе оно бы стало звуком,
Который ощутить она могла бы,
Которым жить могла бы на земле.

Что зрю теперь в душевной глубине?
Я пламенные вижу письма.
Сияет так к наставнику любовь,
Что в бытии духовном и земном
Столь много лет руководила мною,
Особенно в часы, когда с молитвой
В опасностях ее искала я
На высях Духа; как она светла,
Сия любовь! О, прозвучите же,
Слова любви, другой душе навстречу!

Но что за огонь слова любви рождает?
Они кротки и кротость излучают
Высокую серьезность; молнии-мудрость
В эфире мира благостно сверкают.
И радость изливается блаженно,
Весь круг души моей преисполняя.
О вечность, умоляю я тебя:
В мое блаженство ты излей себя,

И пусть мой друг и мой руководитель
Со мной в тебе пребудут ныне с миром!

Страж Порога

Так пусть в ничто теперь все молнии сгинут,
Явившие необходимость мира,
Раз души, бодрствуя узрели север
Миров. И пусть тот грозный гром умолкнет,
Что в полночь мировую грохотал.

Повелеваю, Астрид, я тебе:
О, сбереги душевную ты бурю,
Пока в потоке времени душа
Вновь не отыщет полночь мировую.
Теперь себя иной она узрит —
Узрит себя во временах минувших.
Познает пусть она, что укрепить
Способно крылья духа и паденье.

Хоть **не должна** душа **желать паденья**,
Но **пусть** и из него черпает мудрость.

Астрид

И гром и молнию я сберечь готова,
Чтоб в бытии миров они остались,
Пока к душе не снидет вновь Сатурн.

Душа Марии

О ты, извечное блаженство звезд!
В времен потоке я в тебя войду.
Я жить желаю в сфере благодати
С душой, с которой связана давно я.

Луна

Труды твои я в Духе сберегаю,
Чтоб на земле плоды их созревали.

Душа Иоанна

Звезда сия в кругу души моей,
Светя блаженством, мудрость излучает.
Парит звезда душевная в эфире.

Но вот другая — тусклая звезда.
Я тихий звук ее хочу услышать.

(При последних словах появляется Дух юности Иоанна — ангелоподобное существо в серебристом сиянии.)

Дух юности Иоанна

Твои желанья жизнью я питаю.
Цель юности твоей моим дыханьем
Да укрепится, коль тебе желанны
Миры, в которые тебя ввожу.
Коль ты меня в себе утратишь, должен
Я буду к жизни призрачной вернуться.
О ты, мой цвет, — не покидай меня!

Люцифер

Тебя он не покинет. — Созерцаю
Я жажду света у него в глубинах.
Идти он за другими не захочет.
Коль эта жажда с блеском, ей присущим,
В души основах к бытию проснется,
То он ее плодов не пожелает
Истратить в царстве, где любовь стремится
Без красоты мирами управлять.

Занавес.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Храм в египетском стиле. Место весьма древних посвящений. Третий культурный период. Сперва разговор между Жрецом, Привратником и Мистом.

Жрец

Закончены ли все приготовления,
Мой страж, чтоб посвятельный обряд
Был благотворен и богам, и людям?

Привратник

Поскольку мог предвидеть человек,
Готово все, и воздух посвященья
Уж много дней преисполняет Храм.

Жрец (Мисту)

Ты знаешь, что в советчики царю
 Быть может избран тот, кого сейчас
 Мы посвящаем в тайную премудрость.
 Вы миста нового достойно ль испытали,
 Чтоб мудрость ложная не завладела им,
 Которая с беспечностью земной
 Внимать духовным истинам склонна?
 Такой советчик был бы вреден нам.

Мист

Свершилось испытанье по закону,
 И правильным жрецы его сочли.
 Мне мнится, что наш мист весьма далек
 От всех мирских забот. Стремленьем к Духу
 Полна его душа; саморазвьем
 Он занят и в экстазе он живет.
 И можно утверждать, что Дух он зрит,
 Когда душой бывает с Духом слит.

Жрец

Видали ль часто вы его таким?

Мист

Уже не раз случалось это с ним.
 Не только как советчик годен он,
 Но мог бы стать служителем во Храме.

Жрец

Достаточно! Исполните ваш долг,
 Чтоб дело посвященья удалось.

(Мист уходит.)

Но ты, привратник, выслушай меня.
 Ты знаешь: знанья я твои ценю.
 Ты в мудрости стоишь гораздо выше,
 Чем подобает степени твоей.
 И часто взор твой мне поверкой служит
 Для созерцаний собственных моих.

Ответь же мне, вполне ли ты уверен,
Что этот новый мист созрел духовно?

Привратник

К чему мое вам мнение? Ведь мой голос
В счет не идет.

Жрец

Но я считаюсь с ним!
Со мною и сегодня ты побудь!
Мы проследим обряды посвященья
Души пытливым оком; и коль скоро
Духовный взор узрит, что новый мист
До смысла посвященья не дозрел,
Тогда он стать советчиком не вправе.

Привратник

Что может в новом мисте нам открыться
Во время посвящительных обрядов?

Жрец

Я знаю, что он не достоин чести,
Которую ему готовит Храм.
Как человека, знаю я его,
В нем мистика еще не стала тем
Порывом, что влечет сердца людей
И души их в ту высь, где светит Дух.
Еще в нем страсти сильно говорят,
И чувственность еще не смолкла в нем.
Я не богов веленье порицаю —
Они свой свет готовы изливать
Высокомудро и во тьму страстей.
Но если страсть таится от самой
Себя, в благоговенье облачась, —
Обманывает мысль она и волю.
Тогда не проникает в души свет,
Что в царстве Духа создает существ:
Страсть гасит все в мистическом тумане.

Привратник

О жрец высокий! Приговор суровый
 Вы вынесли ему! Он слишком юн,
 Чтоб самого себя познать, и должен
 Так поступать, как говорят ему
 Жрецы и мисты, что пред ним рисуют
 Душевного пути благие цели.

Жрец

Нет, не ему я вынес приговор,
 А лишь деянью, что в местах святых
 Средь нас сейчас произойти должно.
 Все то, что мы в святилище свершаем,
 Не только тут значения полно.
 Струится становления поток
 В обрядах и словах священнодействий.
 Деянья символические здесь
 Созидят в Духе вечное бытие.

Теперь, привратник, исполняйте долг.
 И сами вы увидите, как мне
 В священнодействе сможете помочь.

(Привратник уходит налево.)

Жрец (один)

Нет, виноват не этот юный мист,
 Что Посвященным ныне жаждет стать,
 Коль от него несправедное чувство
 Из сердца неизведанных глубин
 Проникнет в наш обряд, как некий символ
 Мистический, войдя и в Духа край.
 Несчастье для земного становленья
 Впоследствии сей символ принесет.
 Вожди-жрецы **виновны** в этом **будут**,
 Забывшие мистическую власть,
 Что слово каждое и каждый знак
 Тут одухотворяет и тогда,
 Когда духовный смысл заложен в них,
 Опасный для свершений мировых.

Не позволяют молодому мисту
 В сознанье полном жить духовной жизнью,
 А волокут его, как жертву, в Храм,
 Чтоб бессознательно служил он Духу

Душой, которой бы распорядился
Иначе, если бы развил сознание.

Из наших мистов только высший жрец
В действительности знает то, что в формах
И в жертвоприношениях живет.
Но **он**, как одиночество, молчит.
Так сан его молчать ему велит.
Не понимают прочие, насколько
Серьезна и важна такая жертва.

Сколь одинок я со своей заботой,
Что тяжело так гнетет меня, когда
Я чувствую святилища значение!
Как глубоко я в Храме ощущаю
Тебя, о одиночество мое!
О, почему я в Храме одинок?
Так вопрошаю сердцем, но когда —
Когда же Дух душе **моей** ответит?

Занавес.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Та же храмовая обстановка, как в седьмой картине. Справа Храм закрыт занавесом, перед которым видна египтянка — прежняя инкарнация Иоанна Томазия.

Египтянка

Пришла пора, когда всю жизнь свою
Он посвятит премудрости старинной
И навсегда покинет он меня.
Те выси светлые, куда **его**
Душа взойдет, — **мою** лучом смертельным
Сразят. И без него одна лишь скорбь,
И боль, и отречение для меня
Здесь, на земле, останутся... И смерть...
Но если и покинет **он** меня,
Я все же у святилища останусь,
Где посвящает Духу он себя.
Пусть не узрю телесными очами,
Как от земли освободится он;
Но, может быть, мне даст глубокий сон
Духовно с ним сейчас соединиться.

(Занавес поднимается.

На сцене все уже приготовлено для обряда посвящения над неофитом, являющимся прежней инкарнацией Марии. С одной стороны жертвенного алтаря стоит Иерофант — прежняя инкарнация Бенедикта; по другую сторону— Блюститель Слова — прежняя инкарнация Гилария Готтгетрея.

Перед алтарем— Хранитель печати — прежняя инкарнация Теодоры; там же, с одной стороны,— представитель Земного элемента — прежняя инкарнация Романа, представитель Воздушного элемента — прежняя инкарнация Магнуса Белликозуса.

Совсем близко от Иерофанта стоит Жрец — прежняя инкарнация Капезия; с другой стороны, — представитель Огненного элемента — прежняя инкарнация Штрадера; представитель Водного элемента — прежняя инкарнация Торкватуса.

Впереди— Филия, Астрид, Луна и Другая Филия.

Совсем впереди — Люцифер и Ариман, в виде сфинксов; при этом Люцифер представлен так, что в нем больше выражен херувим, а в Аримане — телец. Впереди же и остальные четыре жреца.

Некоторое время царит тишина. Потом Привратник — прежняя инкарнация Феликса Бальде — и Мист — прежняя инкарнация Фелиции Бальде — вводят через левые врата неофита. Они ставят его во внутренний круг близалтаря и становятся рядом с ним.)

Привратник

От вида мнимого, который миром звал
Ты в мраке заблужденья твоего,
К нам этот мист тебя сюда привел.
Мир из бытия и небытия был соткан,
Как мнимый вид тебе он представал.
Вид благ, коль бытием он созерцаем,
Но мнима жизнь твоя, и видишь мнимость,
Когда же мнимость мнит, то нет бытия. —
Познай себя, ты, мнящаяся мнимость.

Мист

Так Страж порога этого взывает —
Вес слов его в себе переживи.

Представитель Земного элемента

Ты в тяжести земного бытия
 Свой мнимый вид познай теперь бесстрашно,
 Дабы в глубины мира погрузиться.
 Ищи бытья во тьме, в глубинах мира.
 И с ним свой мнимый вид соедини,
 И в весе бытие свое найдешь ты!

Блюститель Слова

Поймешь, куда тебя мы погружаем,
 Когда его последуешь словам.
 Мы суть твою выковываем в форму.
 Познай наш труд, не то растаешь ты,
 Как мнимый вид в небытии вселенском!

Мист

Так говорит священных слов блюститель —
 Вес слов его в себе переживи!

Представитель Воздушного элемента

От тяжести бытья земли взлети!
 Иль "Я"-бытье твое она поглотит.
 Ты с легкостью воздушной воспарь!
 Ищи бытье в сиянье далее мира.
 И с ним свой мнимый вид соедини!
 Во взлете бытие свое найдешь ты!

Блюститель Слова

Поймешь, куда полет твой направляем,
 Когда его последуешь словам.
 Мы суть твою исполним светом жизни.
 Познай наш труд, не то растаешь ты,
 Как мнимый вид под тяжестью вселенской.

Мист

Так говорит священных слов блюститель —
 Взлет слов его в себе переживи!

Иерофант

Мой сын, на мудрости путях ты будешь
 За словом мистов следовать разумно.
 В себе самом ответа не узришь;
 Мрак заблужденья тяготит тебя,
 В тебе безумье рвется в дали мира
 А потому — смотри в огонь. Он ближе

(Зажигается яркое, колеблющееся жертвенное пламя на алтаре посреди Храма.)

Тебе, чем собственная жизнь твоя,
 И в том огне прочти себе ответ!

Мист

Так возвещает жертв святых вершитель —
 Ты святость жертв в себе переживи!

Представитель Огненного элемента

Обманность самочувствия сожги
 В огне зажженном для тебя из жертвы.
 И сам гори в обманности своей. —
 В огне миров бытие свое как пламя
 Найди и мнимый вид свой с ним свяжи!
 В горенье бытие свое найдешь ты!

Хранитель печати

Поймешь, зачем в огонь ты обратился —
 Когда его последуешь словам!
 Мы суть твою как форму очищаем
 Познай наш труд — не то утратишь ты
 Себя в бесформенных вселенских водах!

Мист

Так возвещает страж Печати Храма, —
 Свет мудрости в себе переживи!

Представитель Водного элемента

Мощь огненного мира укроти,
 Самобытие свое не дай разрушить.
 Свой мнимый вид в бытие не превратишь,
 Покуда всплески волн вселенских вод
 Всею музыкаю сфер тебя понижут.

В воде миров ищи бытие как волны.
И с ним свой мнимый вид соедини,
И в волнах бытие свое найдешь ты!

Хранитель печати

Поймешь, зачем в волну ты превратился,
Когда его последуешь словам.
Мы суть твою как форму создаем.
Познай наш труд, не то утратишь ты
Себя в бесформенном огне вселенском!

Иерофант

Мой сын, ты всею волею своей
Последуешь за словом этих мистов.
В себе самом ты не узришь ответа
Затем, что стынет в страхе мощь твоя.
Ты слабость превратить в волну не сможешь,
Что в царстве сфер звучать тебе дает.
Душевному силам собственным внимай же!
Познай же в них ты собственный свой голос!

Филия

В огне очистишь и волной вселенской
Ты растворишь в звучаньи сфер духовных!

Астрид

Создай себя в звучаньи сфер духовных
В даль мира легче воздуха взлети!

Луна

Спустишь вглубь мира с тяжестью земной!
Самим собой отважешься в весе быть!

Другая Филия

Отвергни обособленность свою!
С могуществом стихий соединишь!

Мист

Вот так **твоя душа** глаголет в Храме, —
Скрещенье сил его переживи!

Иерофант

О жрец — собрат, проникни в душу эту,
Которую нам надлежит направить
По мудрости стезе, и нам скажи,
Что ты увидишь в глубине ее!

Жрец

Мы совершили жертвенный обряд.
Душа забыла, чем она была.
Стихий противоречия расторгли
Покровы вида внешнего пред ней;
Обманность перешла в борьбу стихий.
Душа лишь суть свою спасти сумела —
И то, чем суть живет, прочесть ей должно
Во Слове Мировом, в огне звучащем.

Иерофант

Душа людская, прочитай, что пламя
Внутри тебя речет, как Слово мира!

(Пауза. Совсем темнеет. Видны только пламя и смутные очертания присутствующих. После паузы Высший Иерофант продолжает.)

От созерцанья мира пробудись
И возвести, что в Слове ты прочел!

(Неофит молчит. Иерофант продолжает в смятении.)

Молчит! — Исчезло зренье? — Говори!..

Неофит

Слов ваших жертвенных и строгих услышав,
Себя я в это пламя погружаю:
Жду в нём услышать Слово Мировое...

(Присутствующие мисты, за исключением Жреца, проявляют во время речи неофита все больший страх.)

Освободясь от тяжести земной,
 Почувствовал воздушную я легкость.
 Вселенский огонь меня с любовью принял.
 В потоках волн духовных пребывал я.
 Я видел, как земная плоть моя,
 Мне чуждая, осталась вне меня.
 В блаженстве ощущая Духа свет,
 Я все же на земную оболочку
 С участием и с желанием смотрел.
 Ей духи низсылали горний свет;
 Как бабочки, светло слетали к ней
 Те существа, что тело оживляют,
 И тело отражало их сиянье
 Блистающею красочной игрой.
 Был близок свет, а вспышки далеки.
 И вот они исчезли под конец.
 Почувствовал в духовном я бытие
 Желанье, чтобы вес земной меня
 Вновь в тело погрузил, и чтобы в нем
 В тепле живом испытывал я радость.
 И в плоть свою с блаженством погружаясь,
 Услышал я суровый ваш призыв.

Иерофант (ошеломленный, к ошеломленным мистам)

То — не прозренья духа: только чувство
 Земное мист вознес с собой, как жертву,
 К духовным светлым высям! О, кощунство!

Блюститель Слова (в гневе Жрецу)

То было б невозможно, если б вы
 Священную обязанность жреца
 Исполнили в согласье с древним долгом!

Жрец

Исполнил все я, что из царств духовных
 Указано мне было, как мой долг.

О том я слове думать воздержался,
 Которым обладаю я, как жрец,
 И что через меня на неопитов
 Должно было воздействовать духовно.

Итак, свою он мысль, а не чужую
 Нам возвестил во время Посвященья.
 И правда победила! Накажите
 Меня! Так поступить мне долг велел!

Я чувствую, что близится то время,
 В котором "Я" из группового духа
 Освободится с помощью мышленья.
 Пусть юноша от вашего пути
 Сейчас отступит — мистики стезю,
 Указанную для него судьбою,
 В грядущей жизни все же он найдет.

Мисты

Об искупленье вопиет кощунство!

(Сфинксы начинают говорить голосами Аримана и Люцифера. До сих пор они были неподвижны, как изваяния; их речи слышат только Жрец, Неофит и Иерофант. Остальные пребывают под впечатлением происшедшего в смятении.)

Ариман (как сфинкс)

Я для себя душою овладею,
 Что здесь несправедно взыскует свет.
 Свою добычу я во тьме взлелею
 И ей привью духовную способность
 Себя в грядущем правильно сплестать
 С людскою деятельностью и жизнью.
 Доколе не развился этот дар,
 Мне пригодится все, что здесь сейчас
 Раскрылось в жертве, как земная тяжесть.

Люцифер (как сфинкс)

В свои я сферы унести намерен,
 Что видимости радуется здесь.
 Пусть он миражем радостным сияет
 И красоте пусть посвятит себя,
 Которую скрывает от него
 Земная тяжесть в эти времена.
 И видимость становится бытием
 Чрез красоту, и на землю она
 Сойдет как свет, что здесь восходит ввысь.

Иерофант

Вещают сфинксы, бывшие подобьем
 С тех давних пор, как мудрецы здесь служат.
 Дух овладел безжизненной формой.
 Судьба, звучишь ты в Слове мировом!

(Другие мисты за исключением Жреца и Неофита удивлены словами Иерофанта.)

Жрец (Иерофанту)

Все то, что мы в святилище свершаем,
 Не только тут значения полно.
 Струится становления поток
 В обрядах и словах священнодействий.

Занавес.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Небольшая комната с настроением — рабочий кабинет Гилария. Мария одна, медитирует.

Мария

Звезда души на Духа берегу
 В духовном приближается сиянье,
 С ней приближаюсь я сама. Все ярче
 Она сияет. О, какой покой!
 О ты, звезда, что озаряешь мой
 Духовный круг! Что означаешь ты?

(Появляется Астрид.)

Астрид

Пойми, что я сказать тебе хочу.
 Вселенский бой меж темнотой и светом
 Из твоего мышленья создаю.
 И я его из полночи вселенской
 В твою земную форму заключу.

Мария

Являлась, Астрид, ты до сей поры
 Мне только в светлом облике душевном.
 Как стала ты духовною звездой?

Астрид

Гром с молнией тебе я сберегла
 В твоём бытѣ душевном, чтоб могла
 Ты их теперь сознательно узреть,
 И полночь мира на земле припомнить.

Мария

Да, прежде, чем мое самосознание
 Земная оболочка облекла,
 Я бодрствовала в полночи миров
 В Сатурна свете! Скрыт был до сих пор
 Земным мышлением в сумраке душевном
 Он от меня. И вот прозрела я!

Астрид

Сама ты в свете мира изрекла:
 "О вечность, умоляю я тебя:
 В мое блаженство ты излей себя!
 И пусть мой друг и мой руководитель
 Со мной в тебе пребудут ныне с миром".

Мария

И для меня, мгновение, продлись!
 Свершенье Духа в самое меня
 Ты превратило. Укрепи мне душу,
 Дабы подобно сну ты не исчезло.

Тот свет, что полночь мира озаряет,
 Что Астрид мне из сумерек души
 Струит, меня с тем "Я" соединит,
 Что для служенья создало меня
 В мирах. Но как тебя я удержу,
 О миг, чтоб от меня не ускользнул ты,
 Когда я снова свет земной увижу?
 Ведь он силен, и может умертвить
 Прозренья духа. Часто так мертвы
 Они при пробуждении духовном.

(При последних словах, как бы вызванная ими, появляется Луна.)

Луна

Пред тем, как снова усыпит тебя
 Мир чувств земных, ты волю удержи,
 Что создало в тебе мгновенье это.
 Припомни слово, что сказала я,
 Явясь к тебе в полночный мира час.

Мария

Ты **силу воли**, Луна, принесла
 Сюда, ко мне, из полночи миров,
 Чтоб утвердить меня в бытие земном.

Луна

И вслед за мной раздался голос Стража:
 "Теперь себя иной она узрит,
 Узрит себя во временах минувших.
 Познает пусть она, что укрепить
 Способно крылья духа и паденье.
 Хотя **не должна желать** душа **паденья**,
 Но пусть и из него черпает мудрость".

Мария

Куда меня уводит речь твоя?
 Горит звезда на берегу души!
 Духовный образ мне сияет в ней;
 Сама я приближаюсь с ним. Все ярче
 Звезда сияет. Формы возникают,
 Темнея в свете все определенной!
 Вот юный мист, и жертвенное пламя,
 И повеленье высшего жреца —
 Понять огня священного значенье!
 И ужасом объятый мистов круг,
 Внимающий словам младого миста!

(При последних словах появляется Страж Порога.)

Страж Порога

Веление верховного жреца
 Своим духовным слухом ты услышь!

Мария

"Душа людская, прочитай, что пламя
Внутри тебя речет, как Слово мира!"
Кто произнес слова, воспоминаньем
Почерпнутые из души.моей?

(После первых слов появляется Бенедикт.)

Бенедикт

Моим ты словом вызвала меня!

Ты не могла еще идти за мной,
Когда его я древле произнес;
Потом оно уснуло в лоне мира;
Но время лишь усилило его,
И ожило оно в душе твоей:
Оно таилось в следующих жизнях
В душевном подсознании твоём.
Через него меня ты отыскала.
Сознательною мыслию оно
В тебе пробуждено, оживлено:
"Все то, что мы в святилище свершаем,
Не только тут значения полно.
Струится становления поток
В обрядах и словах священнодействий!"

Мария

Не ты изрек во Храме слово это,
А жрец, который в древнем братстве мистов
Был собратом твоим. И что судьбой
Тогда уж предусмотрен был конец
Союзу мистов, это знал тот жрец.
Прекрасный свет блистательной зари
В тот миг он бессознательно узрел, —
Рассвет, бытью земному возвещавший
Явление солнца нового в Элладе.
И подавил он силу мыслей тех,
Которые он должен был внушить мне.
Он был орудьем Духа мирового
В обряде том, в котором услышал
Звучание вселенского потока.
И слово из глубин души изрек он:
"Как глубоко я в Храме ощущаю
Тебя, о одиночество мое!
О, почему я в Храме одинок?"

Бенедикт

И жажда **одинокства** тогда
 Возникла в нем. Из семени сего
 Со временем душевный плод созрел.
 И вот Капезий этот плод вкушает
 И Феликсу теперь он подражает.

Мария

Но женщину, которая была
 У Храма, хоть и созерцаю там,
 Но в настоящем я не нахожу
 Ее. Как мне ее найти, когда
 Мир снова усыпит меня?

Страж Порога

Ее найдешь ты,
 Коль в царстве душ узришь то существо,
 Которое среди теней живет;
 К нему она стремится всей душой.
 Но лишь тогда спасет из царства мрака
 Она его, когда через тебя
 Бытье давно минувшее узрит.

Мария

Суровый Страж, звезде души подобный,
 Светясь, парит к брегам души моей.
 Его сиянье мир распространяет.
 Величественен он, и до основ
 Его серьезностью я утверждаюсь.
 В его покой хочу я погрузиться.
 И чую я, что с помощью его
 Я пробужденья полного достигну.

О вестники души моей, пребудьте
 В бытье мне путеводною звездой.
 Я буду призывать тебя, о Астрид,
 Коль скоро мысль утратит свет душевный.

Я буду призывать тебя, о Луна,
 Коль скоро воля в глубине уснет.

(Мария, Астрид и Луна продолжают оставаться в комнате.)

Занавес.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Та же комната, что в девятой картине. Сперва Иоанн один, погруженный в медитацию.

Иоанн

"Пришла пора, когда всю жизнь свою
Он посвятит премудрости старинной.
Но, может быть, мне даст глубокий сон
Духовно с ним сейчас соединиться!"

Так древле пред святилищем грустила
Та женщина, которую я вижу.
И думаю о ней я укрепляюсь.
О, почему не оторваться мне
От этого виденья? Что мне в нем?
Нет, не участием только я влеком,
Затем что, если б в мире чувств земных
Я повстречал его, отнесся бы
К нему я безучастно. Что же в нем?

(Издали слышится голос Другой Филии.)

Другая Филия

**Волшебная сила
Их собственной сути.**

Иоанн

И бодрствование спящих
Пусть душам раскроет
Волшебную силу
Их собственной сути.

(В то время как Иоанн произносит эти слова, к нему приближается Другая Филия.)

Иоанн

Кто ты, загадочный, волшебный дух?
Ты некогда совет мне подал верный,
И все ж **себя** скрываешь от меня!

Другая Филия

О Иоанн, из самого себя
Ты создал двойника. И я должна
Вокруг тебя, как тень, блуждать, пока
Сам не освободишь ты тени той,
Которая живет твоей виной.

Иоанн

Уж третий раз ты это говоришь —
Я повинуюсь. Путь мне укажи!

Другая Филия

Иоанн! Ищи, живя в духовном свете,
То, что в самом себе ты сохранил.
От света свет тебе дарован будет.
Тогда ты сам в себе увидеть сможешь,
Как ту вину в грядущем искупить.

Иоанн

Как мне искать, живя в духовном свете,
То, что в себе самом я сохранил?

Другая Филия

Отдай мне то, чем мыслишь ты себя.
На краткий миг во мне себя утрать,
Но так, чтоб для себя иным **не** стать.

Иоанн

Как я тебе отдамся, если я
Тебя в твоей не созерцаю сути?

Другая Филия

Живу в тебе, как часть души твоей;
Я емь в тебе могущество любви,
Надежда сердца, что в тебе живет.

Я — плод твоих давно минувших жизней,
 Что сохранились в бытии твоём.
 Узри их чрез меня, почуй меня,
 Себя моею силой созерцай.
 В картины вникни: зрение твоё
 Их ткёт тебе без твоего участия.

(Другая Филия исчезает.)

Иоанн

О дух загадочный, тебя в себе
 Я чувствую, но уж тебя не зрю.
 Где ты живешь?

(Голос Другой Филии издалека.)

Другая Филия

**Волшебная сила
 Их собственной сути.**

Иоанн

Волшебная сила
 Их собственной сути.

Дух, зачарованный во мне, открой мне
 Суть образа того, который я
 Увидел без участия своего.

Куда меня слова мои влекут?
 Горит звезда на берегу души.
 Она, сияя, близится ко мне.
 Духовный образ! Формы восстают
 И действуют, как существа живые.
 Вот юный мист, и жертвенное пламя,
 И повеленье высшего жреца —
 Понять огня священного значенье.

И миста ищет женщина. Ее
 Узрел я без участия своего.

(В виде мыслеобраза Иоанна является Мария.)

Мария

Кто о тебе пред жертвенником грезил?
 Кто чувствовал твою и в Храме близость?
 Коль тень свою духовную ты хочешь
 Отнять у зачарованного царства,
 Живи той целью, что тебе в ней светит.
 Искомый след тебе укажет путь,
 Но этот след сперва найти ты должен:
 Та женщина тебе его откроет,
 Коль скоро в мыслях будет жить твоих.
 Среди зачарованных теней стремится
 Она к другому призраку, что днесь
 Из-за тебя теням угрюмым служит.

(Появляется Дух юности Иоанна.)

Дух юности Иоанна

С тобой хочу быть связан я всегда,
 Коль будешь ты лелеять силы те,
 Что в лоне времени мне сохранил
 Тот юный мист в глубокой старине,
 Которого искал ты встарь у Храма.
 Но в истине познать тот дух ты должен,
 С которым ныне рядом я являюсь.

Мария

Марии, как ее хотел ты видеть,
 Нет в тех мирах, где истина сияет.
 Святой обет мой излучает свет.
 Все, что завоевал ты, сохранится.
 Найдешь меня ты в ярких сферах света,
 Где силы жизни красота творит.
 Ты в тех мирах ищи меня, где души
 Стяжать должны божественные чувства
 Через любовь, что видит "Я" во "Всем".

(Во время последних слов Марии появляется Люцифер.)

Люцифер

Так действуй же, насилье!
 Стихийные почуйте духи
 Веленье Люцифера!..

Готовьте пути,
 Чтоб в Люцифера край
 Из сфер земных
 Могло бы возойти
 Что желанно мне,
 И что покорно мне!

(Появляется Бенедикт.)

Бенедикт

Святой обет Марии вызывает
 В душе его целительные силы.
 Цenia тебя, тебе не подчинится.

Люцифер

Бороться буду!

Бенедикт

Служа богам борьбою!

Занавес.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Та же комната, что в двух предыдущих картинах. Входят Бенедикт и Штрадер.

Штрадер

Вы и Мария много строгих слов
 Сказали мне, явившись предо мною
 Над темной бездной моего бытия.

Бенедикт

Действительны не образы, а смысл,
 Который в них таится, раскрываясь
 Духовными виденьями в душе.

Штрадер

Но как суров был смысл видений сих!
 Он вопрошал: "Где свет твой? Только тьму

Творишь ты в свете, только тьму одну!" —
Так в образе Марии Дух изрек.

Бенедикт

Вы на одну ступень стези духовной
Поднялись; потому-то и назвал
Тот дух, который вас к себе вознес,
Достигнутое раньше — темнотой.
Марии образ этот дух избрал
Затем, что так его вы сознаете.
Мой милый Штрадер, властно дух царит
Отныне в вас: в стремительном полете
Он вас возносит к высшим степеням.

Штрадер

И все ж душе слова его ужасны:
"Затем, что свет свой излучать боишься!" —
Так этот дух в виденье говорил мне.

Бенедикт

Дух должен был назвать вас боязливым:
В чем видят смелость те, кто меньше вас, —
В том трусость для таких людей, как вы.
В развитии все, что мужеством слыло,
Как трусость ощущается потом.

Штрадер

Как уязвляет ваша речь меня!

Роман недавно о своем мне плане
Рассказывал. По мнению его,
Без вас я должен выполнить работу;
Тогда б он был с Гиларием готов
Мне помогать по мере сил своих.
Когда ж я возразил, что никогда
Трудов своих от вас не отмежую,
Он прямо заявил, что все усилия
Напрасны. Так препятствует Роман,
В согласии с коллегой Готтгетрея,
Тем планам, без которых жизнь земная
Совсем теряет цену для меня.

В виду того, что попроще мое
 Они мне запирают, должен я
 Как бы без воздуха в сем мире жить.
 И чтоб не стал мой дух теперь бескрылым,
 Мне нужно мужество, о коем вы
 Мне говорили. Проявлю ли я
 Достаточную силу, не могу
 Я этого сказать. Я ощущаю,
 Что сила, развиваемая мной,
 Немалый вред душе моей наносит.

Бенедикт

Мария с Иоанном преуспели
 Недавно в ясновиденье. Что им
 Мешало раньше в чувственную сферу
 Из царства мистики сойти, теперь
 Не существует; с ними сообща
 Попробуйте в грядущем вы достичь
 Поставленную цель. Истоком сил,
 А не вождем, вам будет слово миста:
Да совершится то, что суждено!
 И потому мы бодрствуем и ждем,
 Какого рода знаки явит Дух.

Штрадер

Недавно я в видении имел
 Знаменье собственной своей судьбы:
 Я был на корабле, и у руля
 Сидели **вы**; я должен был грести;
 Марию и Иоанна мы везли
 На место их работы. Вдруг другой
 Корабль явился; Готтгетрея друг
 И с ним Роман сидели в нем. Они
 К нам отнеслись враждебно, и сражался
 Я против них; а рядом с ними вдруг,
 Сражаясь, появился Ариман.
 И с ним я в битву тяжкую вступил,
 И в битве помогла мне Теодора.
 И образы растаяли потом.

Капезию и Феликсу однажды
 Осмелился сказать я, что легко
 Перенесу преграды, что извне
 Грозят трудам моим, — пусть даже волей

Я разобьюсь, но удержусь я все же.
 Не значит ли видение сие,
 Что все преграды выражают лишь
 Бой с Ариманом — внутренний мой бой?
 Вооружен ли я для **этой** битвы?

Бенедикт

Я в сердце вашем, друг мой, созерцаю,
 Что не вполне сей образ в вас созрел.
 Вы укрепить еще способны силу,
 Которая сей образ породила.
 Вы силы создадите для себя
 И для друзей своих, коль скоро вы
 Себя самих решите укрепить.
 Я это чувствую, но я не зрю,
 Как эту цель осуществите вы.

Занавес.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Недра земли. Могучие кристаллы попеременно с лавой. Освещение тусклое — частью прозрачное, частью проникающее сквозь каменные глыбы. Устремляющееся вверх пламя как бы придавливается тяжестью скал.

Ариман (один)

Сейчас спадают сверху существа —
 Пусть служат мне. Стекают в сферу форм
 Флюиды демонов.

Есть человек:

Духовную субстанцию мою,
 В себе он хочет вовсе уничтожить.
 Его я инспирировал доселе,
 Но с мистами сошелся ныне он,
 Которых Бенедикт премудрым светом
 В час полночи вселенской пробудил.

Во всем виновен брат мой — Люцифер.
 Из светлых сфер его Иоанн с Марией
 Смогли бежать. Но должен тем упорней
 Отныне я за Штрадера держаться.
 Его завлекши, заманю и прочих.

Был Иоанн ужасно оглушен,
 Увидев тень мою; он хорошо
 Меня познал. Без Штрадера его я,
 Да и Марию не смогу пленить.
 В том хаосе духовном, что зовут
 Природой люди, Штрадер, может быть,
 Познать моей затеи не сумеет:
 Он видит сил и вещества слепого
 Сцепленье там, где, Дух опровергая,
 Творю я в духе; хоть не мало уж
 Ему болтали люди про меня,
 Потерянным его я не считаю.
 Забудет он, что был он Бенедиктом
 Сюда в полусознание послан, чтоб
 Избавиться от веры, будто я
 Лишь призрак в человеческом мозгу.

Земная помощь мне теперь нужна,
 Чтоб в нужный миг сюда его запрятать.
 Решил призвать к себе одну я душу,
 Которая столь умной мнит себя,
 Что зрит во **мне** лишь выдумку глупцов.
 Так пусть она вторично служит мне.

(Ариман уходит и возвращается с Душой Рейнеке, представляющей из себя как бы копию Аримана. У входа Ариман снимает с ее глаз повязку.)

Ариман

Земной рассудок он у врат оставит.
 Он понимать не должен, что он здесь
 Узнает, потому что он болтлив
 И ничего б не сделал, если б он
 Цель моего внушения узнал.
 Все позабыть впоследствии он должен.

Тебе известен Штрадер, мой слуга?

Душа Рейнеке

Скитается он ныне на земле
 И тщится в жизнь ученый вздор внести,
 Но ветер жизни повергает все.
 И с жадностью внимает мистам он;
 В тумане их почти задохся он.

Он Готтгетрея отуманить хочет,
 Но Готтгетрея друг ему мешает,
 А то бы фантазеры весь их дом
 Наполнили своею болтовней.

Ариман

Ты службу мне обязан сослужить:
 Мне нужен Штрадер. И доколе он
 В **себе** самом так твердо убежден,
 Весьма не трудно Бенедикту будет
 Напичкать души мудростью своею.
 Пусть Люциферу Готтгетрея друг
 Покорен, но иного Я желаю:
 Через Штрадера желаю Бенедикту
 Я навредить; а Штрадера утратив,
Он ничего от прочих не добьется.

Еще имеют власть враги мои;
 И после смерти Штрадер с ними будет.
 Но если ухитрюсь его я душу
 Уже теперь, при жизни, обмануть,
 Тогда не будет в силах Бенедикт
 Против меня использовать его.

А я уж вычитал из книги Кармы,
 Что Штрадеру конец наступит вскоре.

Но этого не видит Бенедикт.

Слуга мой верный, ты ведь сверх-хитер:
 Ты мнишь, что я лишь выдумка и вздор,
 И все охотно слушают тебя.
 Без промедленья к Штрадеру ступай
 И объясни, что механизм его
 Не только по причинам внешним плох,
 Но что не верно и задуман он.

Душа Фердинанда Рейнеке

Я подготовлен к этому. Давно
 Я только тем и занимаю мысли,
 Как Штрадеру получше доказать,
 Что ложен путь, которым он идет.
 Немудрено, все ночи напролет
 Придумывая вздор такой, решить,

Что **не** в мышленье неуспех сокрыт,
 Что лишь извне препятствия встают.

Роль Штрадера поистине жалка;
 А избеги он мистики туманной
 И пользуйся земным своим рассудком,
 Он, будучи талантлив, смог бы людям
 Наверняка и пользу принести.

Ариман

Вооружи свой ум для этой встречи;
 Добейся, чтобы самому себе
 Не мог бы Штрадер больше доверять,
 Тогда и Бенедикту он в грядущем
 Сопутствовать не стал бы; Бенедикт
 Себе бы самому был предоставлен.
 Несимпатична людям цель его;
 Тем больше будет ненависти к ней,
 Чем истинней она себя покажет.

Душа Фердинанда Рейнеке

Уж знаю я, как Штрадеру ошибку
 Я докажу. Ее я отыскал;
 В его она таится механизме,
 Но сам ее он осознать не может:
 Мистический ему мешает мрак.
 Но трезвостью своей я окажу
 Ему неоценимую услугу.
 Давно уже я этого хотел,
 Но я не знал, как к делу приступить,
 И лишь теперь меня вдруг **осенило**.

Я приложить готов теперь все силы,
 Чтоб истину ему растолковать.

(Ариман выводит душу Рейнеке и прежде, чем выпустить ее из своей сферы, налагает ей на глаза повязку.)

Ариман (один)

Окажет он большие мне услуги.
 Так жжет меня свет мистов на земле!
 И так придется действовать мне впредь,
 Чтоб труд мой мисты не разоблачили.

(Появляется Душа Теодоры.)

Душа Теодоры

Ты борешься со Штрадером, но знай,
Я рядом с ним; он на стезе душевной
Меня нашел, и потому со мной
Соединен везде, где б ни был он:
Как в сферах Духа, так и на земле.

Ариман

Коль это правда, что она его
Не бросит на земле, то побежден
Я ими буду; но я все ж надеюсь,
Что он ее, в конце концов, забудет.

Занавес.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Приемная в доме Гилария. При поднятии занавеса Гиларий и Роман разговаривают друг с другом.

Гиларий

Я с болью должен вам сказать, мой друг,
Что я почти раздавлен тем клубком
Судеб, который завязался тут!
На чем же строить, если шатко все?
Ведь из-за вас же Бенедикта круг
Ушел от нас, а Штрадер угнетаем
Горчайшей мукой тягостных сомнений.
Одно лицо, которое с умом
И злобою опровергает мистов,
Сумело доказать ему, что он
Попал впросак, задумав механизм,
Сам по себе проект невыполним,
А внешние помехи не при чем.

Мне жизнь моя плодов не принесла:
Я жаждал дел, но мыслей не имел,
Которые в них созреть могли бы.
И пустота мою томила душу.

Лишь ясновиденьем держался я.
И вот, — я все ж на Штрадере ошибся!

Роман

Душевный гнет, тяжелый, как скала,
Уже не раз мне на душу ложился,
Когда перед действительностью ваши
Слова оказывались заблуждением,
И в созерцанье ошибались вы.
Но этот гнет был лучший мой учитель:
Он создал ощущение во мне,
Что просвещает ныне разум мой.

Вы созерцанием ослеплены,
И кажется оно вам заблуждением,
Хотя б оно и правду раскрывало.
Чтоб ни болтал тот человек сверхумный,
Но Штрадера вы верно созерцали.

Гиларий

Вы постоянны: видимо, ваш взгляд
На Штрадера совсем не изменился?

Роман

Ведь этот взгляд мой связи не имеет,
С друзьями Штрадера. Мне безразлично:
Осуществим, или негоден вовсе
Тот механизм, что Штрадер изобрел.
Пусть Штрадер и ошибся — человек
Чрез заблуждение истину находит.

Гиларий

Вас, значит, не смущает неуспех,
Хоть сами успеваете во всем?

Роман

Лишь тот, кто неудачи не боится,
Преуспевает; надо, чтобы мы
Как мисты к этим фактам отнеслись —
Тогда мы верно Штрадера поймем.
Из битвы победителем он выйдет

И для людей духовный мир откроет.
 Пройдет он мужественно мимо Стража,
 Что на пороге в Духа край стоит.
 Почувствовать сумел я всей душой,
 Что говорится о суровом Страже.
 Я чую — он со Штрадером теперь.
 Пусть даже Штрадер и не сознает
 Присутствие невидимого Стража,
 Зато он сам мне хорошо известен.

Отважно он признает, что страданья
 Должно самопознание порождать.
 И избрет в соратники он волю,
 Что мужественно будущим живет
 И, укрепляясь из ключей надежд,
 Скорбям познания противостоит.

Гиларий

За эти речи вам я благодарен.
 Слышал я их не раз, но лишь теперь
 Я чувствую их тайное значенье.
 Пути миров мы лишь с трудом находим.
 Мне дожидаться, друг мой, подобает,
 Пока мне не укажет Дух путей,
 Доступных созерцанью моему.

(Гиларий и Роман уходят направо; слева входят Капезий и Феликс Бальде — их вводит в комнату Секретарь.)

Секретарь

Я полагал, что Бенедикт сегодня
 Из путешествия вернется к нам.
 Его еще все нет, но мнится мне,
 Что завтра вы застанете его.

Феликс Бальде

Нельзя ли повидать мне Готтгетрея?

Секретарь

Сюда я попрошу его сейчас же.

(Секретарь уходит.)

Феликс Бальде

Значительны переживанья ваши.
Вы мне еще раз их не повторите?
О сих вещах тогда лишь верно судишь,
Когда их точно схватывает дух.

Капезий

Мистическое настроенье я
В себе сегодня утром ощутил.
Умолкла память. Голос чувств затих.
И в ожиданье Духу я внимал.
Знакомое сперва я испытал,
Затем я душу Штрадера увидел
Перед собою. Он сперва молчал.
Что я не сплю, сознать имел я время.
Но вскоре речь его я услышал:
"Не избегайте настроенья мистов". —
Так из глубин души его звучало.
Потом сказал с особенным он весом:
"Не устремляться. Тихо, мирно ждать,
Дабы в душе лишь ожиданье жило, —
Вот настроенье миста. И оно
Приходит без исканий в нашу жизнь,
Коль скоро укрепим свою мы душу
И силой мысли дух освободим.
И в тихие, и в бурные часы
Оно приходит и желает лишь,
Чтоб не бездумно отнеслась душа
К нежнейшим образам духовных царств".

Феликс Бальде

Как отзвук собственных моих речей
Слова его, но смысл не совпадает.

Капезий

Коль вдуматься, то можно в них найти
Воззрений ваших противоположность.
А из его последних слов и вы
Должны уразуметь, что это так:
"Кто вызовет искусственно сей миг,
Проникнет только в самого **себя**,

И он все царства света заслонит
 Душевною своею темнотою.
 Кто так желает в мистике искать,
 Убьет свои прозренья заблуждением".

Феликс Бальде

Так знайте же, что Штрадер искажает
 Слова мои, и вредный отзвук их
 В вас злое заблуждение порождает.

Капезий

Его последними словами было:
 "Духовный мир никто найти не может,
 Кто хочет для себя его иметь.
 И истина в душе той не звучит,
 Что ищет настроенья много лет".

(Появляется Филия, которую видит только Капезий. Феликс Бальде всем своим поведением показывает, что не понимает ее речей.)

Филия

Капезий! Коль вниманье обратишь
 На то, что без исканий ты нашел,
 То светом многих красок просияешь,
 И образами свет тебя пронизет;
 Узришь в них сил душевных откровенье.
 И солнечное существо твое
 Смягчится зрелой мудростью Сатурна.
 Все то тогда увидишь в созерцанье,
 Что может человек земной понять.
 Тогда сама сведу тебя я к Стражу,
 Духовный стерегущему порог.

Феликс Бальде

Звучат слова из областей мне чуждых.
 Но не рождают света звуки их.
 Они не существуют для меня.

Капезий

Пускай же Филия меня ведет,
 Чтоб в будущем духовно я познал

Ту мудрость, что как человек земной
 В своей житейской сфере на земле
 Я уж теперь уразуметь могу.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Та же комната, что и в предыдущей картине. На сцене жена Гилария, разговаривающая с Управляющим Конторой.

Жена Гилария

Сама судьба препятствует работе,
 Необходимой мужу моему, —
 Так мнится мне. И спутались все нити,
 Сплетенные судьбой в единый узел,
 Который тут нас всех соединил.

Управляющий Конторой

И, кажется, не в силах ум людской
 Судьбой сплетенный узел развязать.

Итак, его нам разрубить придется!

И лишь одну возможность вижу я:
 Связь между мною и супругом вашим
 Придется, как ни горько мне, порвать.

Жена Гилария

Расстаться с вами муж мой не захочет —
 Противятся тому традиции,
 Что унаследовал он от отца.
 И верность им он хочет соблюсти.

Управляющий Конторой

Но эту верность он уже нарушил:
 Те цели, что себе поставил он,
 Его уводят вовсе не туда,
 Куда всю жизнь отец его стремился.

Жена Гилария

Но ныне счастье мужа моего
 В том состоит, чтоб эту цель достичь.
 Я видела, как он переменялся
 С тех пор, как молнией эта цель пред ним
 Блеснула. Жизнь до той поры дала
 Ему лишь пустоту. Ее скрывал он
 И от чужих, и от друзей своих, —
 Но тем сильней она его терзала.
 Он не ценил себя затем, что мысли,
 Имеющие жизненную ценность,
 В душе его возникнуть не хотели.
 И лишь когда он мистов план узнал,
 Он сразу же душой помолодел
 И радостно почувствовал, что он,
 Имея цель такую, жить достоин.
 Что можете ему сопротивляться, —
 Он этого и не подозревал.
 Тягчайшего удара никогда
 Он в жизни не испытывал досель.

И если б знали вы, как он страдает,
 Вы строгость, несомненно, бы смягчили.

Управляющий Конторой

Воззрениями своими поступиться
 Считаю недостойным для себя.
 Со Штрадером идти одной дорогой,
 Поистине, мне очень тяжело,
 Но эту тяжесть я нести решился
 Затем, что и Роман ее несет.
 Его же понимаю я с тех пор,
 Как он о Штрадере заговорил:
 То, что сказал он, стало для меня
 Духовного познания началом.
 Пылали силою его слова,
 И в душу мне вливалась эта сила,
 Которой я не ведал до сих пор.

Его совет мне важен и тогда,
 Когда его не понимаю я.
 За Штрадера лишь заступился он, —
 Участье прочих, по его словам,
 Не только предприятию вредит,

Но и опасно для союза мистов.
 Столь ценно это мнение для меня,
 Что, если б Штрадер без друзей своих
 Забросил дело, стал бы этот факт
 В глазах моих самой судьбы знаменьем.
 То значило б, что он остаться должен
 С друзьями, чтобы из стремлений мистов
 Позднее импульсы для внешних дел
 В себя вдохнуть. В последнее ведь время
 Он ближе к ним стоит, чем раньше был —
 От них он отчуждался ненадолго.
 Вот почему я верю, что найдет
 Свое он место, если даже он
 Считает цель свою невыполнимой.

Жена Гилария

Но Штрадера вы зрите лишь таким,
 Каким его Роман изображает.
 Должны о нем судить вы непредвзято.
 Настолько Штрадер Духом преисполнен,
 Что улетает вовсе от земли,
 И для него тогда реален Дух.
 Тогда с ним Теодора пребывает;
 Через него **она** доступна нам
 Тогда бывает. Многие из мистов
 Словами весть о Духе выражают,
 Но лишь к мышленью их слова взывают.
 А сила Штрадера в самих словах.
 Переживанье внутреннее Духа,
 Что лишь собой довольствуется, он
 Не ценит; и научный импульс он
 Избрал своим мистическим вождем.

За мистикой не забывает он
 Столь нужной нам науки прикладной,
 Трудящейся для жизни. Вы понять
 В нем это постарайтесь, и тогда
 И об его друзьях его сужденья
 Оцените вы выше, чем воззренья,
 Которое Роман о нем составил.

Управляющий Конторой

Мне в этом положенье, чуждом столь
 Обычному мышленью моему,

Один Роман способен дать опору,
 На коей я стою; а если я
 В мистические области вступаю,
 Тогда наставник нужен мне такой,
 Каким способен стать лишь человек,
 Доверие внушающий мне тем,
 Что полностью понять я в нем могу.

(Входит Секретарь.)

Управляющий Конторой

Вы так расстроены! Что с вами, друг?

Секретарь

Совсем недавно умер доктор Штрадер.

Управляющий Конторой

Как умер? Штрадер?

Жена Гилария

Штрадер мертв?А где
 Гиларий? Где?..

Секретарь

В своем он кабинете.
 Совсем сражен тяжелой вестью он,
 Сейчас с квартиры Штрадера пришедшей.

(Жена Гилария и Секретарь уходят.)

Управляющий Конторой (один)

Ужели умер он?
 Иль я объят
 Духовным сном, о коих я наслышан?
 О, как суров могучий лик судьбы,
 Которая сплетает нити здесь.
 Душа моя, мала ты: что ж за власть
 Схватила ныне нить судьбы твоей,
 Что ты причастна к этому узлу?

Но да свершится то, что суждено!

О, почему слова сии звучат
 Во мне с тех пор, как произнес их Штрадер
 В присутствии Готтгетрея и моем?
 Как будто из совсем иного мира
 Пришли к нему они — так говорил он!
 О, что же, что должно было случиться?
 Я был тогда объят духовным миром.
 И в этом слове речь миров духовных.
 Она сурова! Как ее понять?

Занавес.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Та же комната, что в предыдущей картине. В ней ожидает сиделка доктора Штрадера. После поднятия занавеса в комнату входит секретарь.

Секретарь

Должно быть, скоро Бенедикт прибудет,
 Чтоб эту весть от нас услышать лично.
 Из путешествия вернулся он.

Большим был человеком доктор Штрадер.
 Первоначально планам Готтгетрея —
 Таким огромным — я не доверял.
 Но вследствие того, что очень часто
 Свой план при мне сам Штрадер развивал,
 Исчезли возражения мои.

С возможностями он всегда считался
 И их всегда умел он воплощать.
 И самую возвышенную цель
 Всегда извлечь из опыта хотел он,
 А не предпосылал ее лишь в мыслях.
 Он вел себя как настоящий мист.
 Тот, кто желает красотой пейзажа
 С вершины любоваться, ожидает,
 Покамест не поднимется наверх,
 Заранее картины не рисуя.

Сиделка

Великих дарований человек,
 К тому же сильным духом награжденный,
 Ушел от вас. За тот короткий срок,
 Когда ему последние услуги
 Оказывала я, великодушью
 Его я поражалась. Исключая
 Семи последних лет, его душа
 Всю жизнь столь одиноко провела.
 Ему сулили мудрость мисты; **он**
 В любви нуждался; все его деянья
 Любовью были, создающей в жизни
 Обилье форм, дабы вполне раскрыться.
 И в том, что он мистически искал,
 Нуждалось благородное в нем пламя,
 Как отдых сна бывает телу нужен.

Секретарь

Но мудрость мистов для него была
 И творчества источником; и все,
 Что сотворил он, мистики полно.

Сиделка

Затем, что в нем жила любви потребность,
 И он хотел со всем соединиться,
 Что жизни смысл раскрыть ему сулило.
 В последний миг он думал о труде,
 Которому себя он посвятил.
 Как люди расстаются с существом
 Любимым, — так душа его рассталась
 С возлюбленным земным трудом своим.

Секретарь

Всем существом своим он в Духе жил,
 И Теодора всюду с ним была, —
 Так чувствуют все истинные мисты.

Сиделка

Так одиночество связало их,
 И перед смертью видел он её.
 Он чувствовал, что ею он отозван
 В духовный мир, чтоб труд свой завершить.
 И незадолго до своей кончины

Он Бенедикту написал письмо;
Учителю его я передам.

Загадочно эпохи нашей жизнь
Идти вперед должна: и все же ей
Даруют люди солнечные свет;
Другие же, подобные планетам,
Приемлют свет, что пробуждает жизнь.

(В комнату входит Бенедикт. Секретарь из нее выходит.)

Сиделка

Вот эти строки Штрадер написал,
Пока еще в нем силы оставались,
И я передаю их другу мистов.

Бенедикт

Когда же написал он эти строки,
Где он душой своею пребывал?

Сиделка

Раздумывал о плане он своем.
Потом соединилась Теодора
С ним в Духе; ощутив ее, душа
Оставила земную оболочку.

Бенедикт

Ты, верный друг, благодарю тебя
За помощь, что ему ты оказала!

(Сиделка уходит. Бенедикт читает последние слова Штрадера.)

"Мой друг! Когда я был почти разбит,
Познавши, что не только внешний мир
Чинит преграды моему труду,
Но что и внутренние недостатки
Мешают мне мой план осуществить, —
Вновь образ я узрел, о каковом
Вам говорил на днях; его конец,
Однако, был иным. Не Ариман
Со мною воевал, а вестник Духа
Мне заменил его, и в нем узнал

Я своего мышленья заблужденья.
 И я невольно вспомнил те слова,
 Которые вы как-то изрекли
 Об укрепленье сил души моей.
 И вестник Духа тотчас же исчезнул".
 Еще он пишет... Но уже не в силах
 Я чтение продолжать... Его слова
 Покровом мыслей хаос мне застлал.

(Появляется Ариман. Бенедикт видит его, но не узнает.)

Бенедикт

Кто ты, о дух, из хаоса рожденный,
 Входящий тенью в круг души моей?

Ариман (про себя)

Меня он видит, но не смог узнать.
 Здесь испугать меня не сможет он,
 Коль рядом с ним пребуду я сейчас.

(Бенедикту.)

Я досказать могу тебе, что Штрадер
 Тебе на благо хочет передать,
 А также и ученикам твоим.

Бенедикт

Мистический мой круг с его душой
 Останется и впредь соединенным,
 Хоть уж моста земного нет меж нами.
 Но если вестник Духа хочет нам
 Раскрыться из миров его, то пусть
 Сперва доверье наше завоеует.
 Для этого он должен быть опознан
 Духовным нашим зрением вполне.

Ариман

Ведь лишь самопознание нужно вам:
 Раз чуждый дух вам хочет послужить,
 Он в вашем "Я" сперва явиться должен,
 Как ваша часть, когда ж он в стороне,
 То непременно должен быть **опознан**.

Бенедикт

Кто б ни был ты, но благ ты лишь тогда,
 Когда ты сам себя в себе не жаждешь,
 В людском мышленье потеряв себя,
 Ты в миростановлении воскреснешь.

Ариман

Настало время скрыться поскорее
 Мне с глаз его; коль скоро, созерцая,
 Меня **пomyслил** он, каков я есмь,
 Часть силы той в мышленье он создаст,
 Что медленно меня уничтожает.

(Ариман исчезает.)

Бенедикт

Теперь лишь Аримана я узнал.
 Уж скрылся он, но след свой он оставил,
 Как мыслеобраз, у меня в душе.
 Он обмануть людскую мысль стремится
 Затем, что в ней исток своих страданий,
 Издревле заблуждаясь, видит он.
 Еще не знает он, что обретет
 В грядущем искупленье лишь тогда,
 Когда в людском мышленье отразится.

Он людям раскрывается не так,
 Как для себя он существует сам.
 Себя являя, но и сокрывая,
 Пытался он в благоприятный миг
 Воспользоваться Штрадера кончиной,
 Его друзьям стать на пути помехой,
 Но для учеников моих в грядущем
 Утаивать себя уж он не сможет,
 Они его и бодрствуя познают,
 Когда в их созерцанье он войдет.
 Они его познают в разных формах,
 Под коими таится он, когда
 Душе людской раскрыться должен он.

Но ты, о Штрадер, солнечной душою
 Чрез укрепленье сил своих духовных

Лжевестника сумевший отогнать,
Сиять друзьям звездой духовной будешь.
Марии и Иоанна бытие
В грядущем ты своим пронижешь светом.
Через тебя они еще сильнее
Для дела своего вооружатся.

Они пребудут вестниками света
И в те часы в своем мышлении сильном,
Когда над бодрствованием духовным,
Гася премудрость, хаос расстиляет
Покровом тёмным мрачный Ариман.

Занавес.